[46] Там же. С. 144.
[47] Там же. С. 150.
[48] Там же. С. 118.
[49] Там же.
[50] Там же. С. 152, 179.
[51] Там же. С. 187.
[52] Там же. С. 192.
[53] Там же. С. 152.
[54] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 7. С. 200.
Горбачевский И. И. Записки. Письма. М., 1963. С. 23.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-НЕМЕЦКИХ ФИЛОСОФСКИХ СВЯЗЕЙ 40-70-Х ГОДОВ XIX В.

А. И. Володин

Одним из важных направлений марксистского историко-философского исследования является изучение межнациональных философских отношений, без чего невозможно ни создание более или менее достоверной картины развития философии в той или иной стране, ни в достаточной степени точное установление каких-то общих черт, тенденций историко-философского процесса в целом.

Весьма насущным это направление исследований является и для историков отечественной философии.

Во-первых, потому что на протяжении всей истории, и особенно в XVIII—XIX вв., философию в России отличало поразительное богатство контактов — разной силы и характера — с самыми различными течениями (разумеется, персонифицированными в конкретных мыслителях) зарубежной, для нового времени преимущественно западноевропейской, философии.

Во-вторых, потому что при трактовке рассматриваемой проблемы, проблемы взаимосвязи философии в России и зарубежной философии, в разное время имели место попытки, причем весьма многочисленные, превратного ее истолкования.

Такого рода истолкование выступало в двух видах. Оно выражалось либо в *сведении* отечественной философской мысли нового времени к ее «закордонным» истокам, либо, напротив, в *отрыве* отечественной философии от этих ее истоков [1].

Было бы, по-видимому, преждевременно говорить сегодня о том, что в нашей науке [2] такого рода тенденции в рассмотрении данной проблемы вполне преодолены. Время от времени они обнаруживают себя с достаточной определенностью: то в непонятном опасении, что указание на «иноземные» учения как источник философского творчества отечественных мыслителей может их как-то унизить, затмить их оригинальность, то, напротив, в невольной недооценке вклада передовых русских мыслителей в сокровищницу мировой философии.

ШЕЛЛИНГ — «ВЛАСТИТЕЛЬ РУССКИХ ДУМ ФИЛОСОФСКИХ»?

В интереснейшей, заслуживающей, безусловно, высокой общей оценки книге А. В. Гулыги «Шеллинг» (1982) все своеобразие русской философии — в ее отличии от западной — усматривается в том, что она занималась преимущественно не проблемами гносеологии, а проблемами нравственными и потому, как считает автор, выражалась по преимуществу не на «языке науки», а на языке искусства [3]. И вследствие этого оказывается, что «ни Канту, ни Фихте, а именно Шеллингу суждено было стать властителем(!) русских дум философских и вплоть до конца века(!) значительным образом влиять на развитие русского философствования» [4].

Надо ли говорить, что при таком подходе не только, в сущности, игнорируется рационалистически-гносеологическое направление в отечественной философии (представленное, кстати сказать, не только материалистами), но и явно преувеличивается воздействие на «русское философствование» лишь одного из представителей немецкой классической философии — Шеллинга.

Оказывается даже, что «Шеллинг значил для России больше, чем для Германии» [5].

Не станем вступать с автором в спор по вопросу о роли Шеллинга для судеб немецкой философии — это, скорее, дело историков зарубежной философии. Ну, а Гегель? А Фейербах? Они-то что «значили» для России? Или их влияние — а кто возьмет на себя смелость его отрицать? — лишь искажало характер самобытно-русского (читай: религиозно-нравственного) философствования? Так что ли должны мы понимать уважаемого автора?!

По вопросу о роли Гегеля в истории русской мысли мы уже имели случай высказываться [6], поэтому здесь его касаться не будем.

А вот тема о значении Фейербаха, его антропологических идей для отечественного «философствования» представляется нам все еще плохо освоенной территорией [7]. Во всяком случае, она, как говорится, еще ждет своего изучения.

В настоящей статье мы рассмотрим только некоторые ее, достаточно частные, но тем не менее характерные аспекты, с той целью, чтоб показать читателю, как мало мы еще знаем об отношении русских мыслителей XIX в. к Фейербаху и как плохо пока разбираемся в том, что знаем.

АЛЕКСАНДР ХАНЫКОВ — ПРОПАГАНДИСТ СОЧИНЕНИЙ ЛЮДВИГА ФЕЙЕРБАХА

О Фейербахе и его философских трудах русские заговорили уже в 30-х годах XIX в., главным образом в переписке, но также и на печатных страницах. Всерьез знакомиться с его сочинениями, даже штудировать их в России стали, однако, лишь в 40-х годах, после выхода его «Сущности христианства»: теперь Фейербах выделяется уже из общего течения «немецкой левой», т. е. младогегельянства.

И не просто знакомиться, изучать, штудировать стали русские немецкого философа, но и достаточно широко *использовать* его идеи и в борьбе с господствовавшей в России христианской религией, и при разработке фундаментальных собственно философских (и историко-философских) проблем.

Здесь мы в первую очередь должны указать на Герцена и Белинского (их отношение к Фейербаху достаточно известно, хотя и в слишком общей форме), а также на некоторых петрашевцев.

А среди них мы прежде всего хотим назвать — как одного из первых пропагандистов фейербахианства в России — *Александра Ханыкова* (1825—1853).

Быть может, такая его квалификация вызовет кое у кого недоумение, даже возражения. Но давайте попробуем вначале оценить хотя бы тот неоспоримый факт, что *именно Александр Ханыков вложил в руки Чернышевского не только работы Фурье, но и сочинения Фейербаха*, а ведь всем известно, какое большое воздействие этот немецкий мыслитель оказал на мировоззрение великого русского материалиста. И если признать справедливыми слова В. И. Семевского о том, что Александр Ханыков «содействовал завоеванию для русского социализма такой великой силы, как Чернышевский» [8], то ведь не в меньшей мере он «содействовал завоеванию» Чернышевского для русского атеизма и материализма.

Младший сын библиотекаря Департамента народного просвещения Владимира Яковлевича Ханыкова Александр, как и его старшие братья Яков и Николай, с детства проявил большую склонность к гуманитарным наукам. В 1845 г., в год своего поступления в Петербургский университет, он познакомился у А. Н. Плещеева с М. В. Петрашевским. «При первом моем свидании с ним у него на квартире,— свидетельствовал позже А. Ханыков,— он говорил со мной об учении Фурье, о необходимости уничтожения религиозных предрассудков, о свободной цензуре и публичном судопроизводстве» [9]. Став одним из рьяных приверженцев идей утопического социализма, А. Ханыков активно участвовал в собраниях кружков петрашевцев, бывал не только на известных «пятницах» Петрашевского, но и на собраниях у братьев Дебу, у Н. С. Кашкина; он стремился как следует разобраться не только во всех тонкостях учения Фурье, но и в во-

просе о возможности осуществления социалистических идей в России.

А. Ханыков был одним из тех немногих петрашевцев, которые, не удовлетворяясь кружковыми разговорами, стремились к практической пропагандистской деятельности. Он вел беседы со студентами даже и тогда, когда в 1847 г. за «неблагонадежное поведение» был исключен из университета, где учился на Восточном факультете. В беседах со студентами А. Д. Толстовым, Б. И. Утиным, В. П. Катеневым он «порицал» религию и царское правительство, не раз он приносил им запрещенную, в том числе и атеистическую, литературу.

В разговорах со студентами (так, во всяком случае, говорил Толстов) Ханыков «утверждал, что христианство еще не есть окончательный момент в развитии человечества, что оно еще не представляет полного выхода, что оно уже и падает» [10].

23 ноября 1848 г. с А. Ханыковым познакомился Н. Г. Чернышевский — это произошло после студенческого семинара, руководимого профессором А. В. Никитенко. Большое впечатление на Чернышевского произвел рассказ Александра о фурьеризме, а вскоре Ханыков снабдил своего нового друга сочинениями Фурье, Гегеля...

25 февраля 1849 г. Александр Ханыков вложил в руки Чернышевского «Сущность христианства» Людвига Фейербаха [11].

Роль Ханыкова как своего рода посредника в знакомстве Чернышевского с антропологической философией Фейербаха достаточно хорошо известна: об этом свидетельствует дневник самого Чернышевского, впервые опубликованный в 1929 г., не раз затем переиздававшийся. Гораздо более неясным является собственное отношение А. Ханыкова к этой философии, так сказать, *степень и характер* его фейербахианства.

Конечно, в известной мере об этом говорят слова Ханыкова о религии и невежестве как «спутниках деспотизма», а также заключительная фраза из его речи на обеде в честь Ш. Фурье 7 апреля 1849 г.: «Преображение близко!... Но не в вере, не в молитве, как делают это христиане [...], не в вере, не в молитве, этом модном, светском, семейственном, детском препровождении времени, а в науке чистой будем приобретать мы бодрость наших страстей на терпение, на дела!» [12].

Однако подлинный смысл этих слов А. Ханыкова может быть раскрыт только в том случае, если мы рассмотрим их в широком контексте отношения к Фейербаху в кругу петрашевцев.

ИДЕИ Л. ФЕЙЕРБАХА В «КАРМАННОМ СЛОВАРЕ» ПЕТРАШЕВЦЕВ

Книги Фейербаха были в библиотеке петрашевцев. При обыске у Петрашевского, помимо прочих книг, был отобран один том сочинений Фейербаха. Уже в начале 40-х годов, набрасывая пере-

чень тем (под общим заглавием «Запас общеполезного») для последующей разработки, М. В. Петрашевский делает записи, отражающие, по-видимому, его знакомство с работами Фейербаха: «Об относительных началах так называемой христианской религии, или философии» и «В чем состоит религиозное чувство и отчего тяжело расставаться с ним и с верою (соответствие себя с природою)» [13]

Идеи Фейербаха получили выражение и в известном «Карманном словаре иностранных слов», изданном петрашевцами в двух выпусках в 1845—1846 гг. Хотя имя Фейербаха в словаре ни разу не упомянуто, на целом ряде статей, по крайней мере второго выпуска, лежит печать антропологического метода немецкого мыслителя, столь естественно сопрягавшегося петрашевцами с идеями утопического социализма.

Так, в статье «Натура» говорится, что «чем полнее и многостороннее будет умственное развитие какого-либо человека, тем более точек соприкосновения с природою должна представлять жизнь его, тем больших и разнообразнейших наслаждений будет для него она источником [...] Причудливое, мечтательное разъединение духа и материи не найдет места в его сознании, развитом в гармонии с целой природою,— и все явления природы, без различия, будут представляться ему тесно между собою связанными и проникнутыми одной всеобщей и всемогущей жизненной силою» [14].

Явным свидетельством симпатии к фейербаховскому учению является статья «Натурализм». Впоследствии, в 1851 г., один из участников кружка петрашевцев — В. А. Энгельсон писал, что в «Карманном словаре...» «основная идея Фейербаха относительно реглигии выражена без всяких околичностей в статье о натурализме» [15].

В этой статье натурализм раскрывается как противоположность «супернатурализму», т. е., собственно говоря, супранатурализму — мистическим учениям, признающим существование потустороннего, надприродного бытия.

Далее следует краткое изложение существа фейербахианства, как оно понималось Петрашевским: натурализм «в смысле вероучения означает учение, считающее возможным для человека достижение путем одного мышления, без всякой помощи предания, откровения или самоличного явления божества, и осуществление в действительной жизни вечного и будущего блаженства чрез полное, самостоятельное и самодеятельное развитие сил природы своей. Натурализм в низших фазисах своего развития откровения божества в положительных религиях считает ложными, созданиями не божественными, а чисто человеческими. В дальнейшем своем развитии это учение, вмещая в себя *пантеизм* и *материализм* (см. эти слова), *считает божество* не чем иным, как *общей и высшей формулой человеческого мышления*, переходит в атеизм (см. это слово в Приб[авлении] к Словарю) и даже, наконец, преображается в *антропотеизм* (см. это слово в Приб[авлении]

к Словарю), т. е. в учение, *признающее высшим существом только человека в природе»* [16].

Нетрудно увидеть, что здесь в предельно сжатой форме изложена логика развития одного из основных направлений критики и понимания религии в XVII—XIX вв., начиная с примитивных представлений о религии как сознательном обмане, грубой выдумке церковников, через пантеистические представления а la Спиноза, боевой и вместе с тем весьма механистичный материализм французских просветителей и их атеизм — вплоть до учения Фейербаха (именуемого антропотеизмом), которое представляется высшей точкой этого развития.

Последние слова статьи не оставляют никаких сомнений в том, что тут имеется в виду именно учение Фейербаха и что отношение к нему авторов словаря весьма одобрительное: «Натурализм, находясь на этой степени своего рационального развития, *считает вообще признание божества в положительных религиях происшедшим от обоготворения человеком своей личности и общих законов своего мышления*; все религии, которые представляют нам историческое развитие человечества, считает только постепенным приготовлением человечества *к антропотеизму или полному самосознанию и сознанию жизненных законов природы»* [17].

В других статьях «Карманного словаря» мы также видим следы учения Фейербаха. Об антропологии как естественной истории человека в обширном значении этого слова говорится в статье «Натуральная история» [18]. В статье «Неохристианизм» фейербаховское представление о религии преломляется сквозь призму утопического социализма. «Религию и религиозные убеждения,— говорится здесь,— отнюдь не должно рассматривать отдельно от жизни человека и человечества [...], она во всех своих проявлениях находится в тесной и полной зависимости от всех обстоятельств, имеющих или могущих иметь влияние на самый быт человека. Одним словом, религия не есть явление случайное, но необходимое и неизбежное в разумной жизни человечества, не выдумка чьего-либо досужего воображения, но *выражение действительного требования определения причинности явлений;* она есть *не что иное, как миросозерцание, соответствующее различным степеням умственного развития различных народов.* Этому общему закону органического развития подчиняется также и христианство как нраво- и вероучение [...] Проникновение общества идеей христианства, или *любви,* совершалось медленно и постепенно...» [19]

Ряд положений в статье «Оракул» перекликается с мыслями Фейербаха о древнем фетишизме, о происхождении человеческой веры в «чудо», «чудесное» [20].

В статье «Ораторство» можно увидеть свидетельство о знакомстве ее автора с фейербаховским учением о родовой сущности человека: «Человек как индивидуум, поставленный лицом к лицу с природою, ничтожен. Человек же как род могуч, и одна только

неизменяемость законов природы может быть гранью для его *самозаконного* развития. Для него, как для существа разумного, как обладающего сознанием законов природы, в *мироздании нет ничего неподчинимого, нет ничего такого, чего бы не заключалось в его природе и из нее не развивалось*: он сам для себя и микрокосм и макрокосм» [21].

В статье «Оратория» автор рассуждает о поэтичности, чувственности, музыкальности молитв вполне в духе Фейербаха [22].

Несомненно, представления о религии петрашевцев вообще, как и самого Петрашевского, имели своим источником не только идеи Фейербаха, но также и Вольтера, Гольбаха, Бруно Бауэра и др. Но столь же несомненно, что важнейшим среди этих источников было фейербаховское учение. Об этом говорит, в частности, и речь Ф. Г. Толя.

«О НЕНАДОБНОСТИ РЕЛИГИИ В СОЦИАЛЬНОМ СМЫСЛЕ» (Речь Ф. Толя)

Как известно, основная группа петрашевцев была арестована 23 апреля 1849 г. Среди них был и Толь. В июне на одном из допросов ему был задан такой вопрос:

«Известно, что в собрании у Петрашевского 11 марта вы говорили речь о происхождении религии, доказывая, между прочим, что она не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна. Сделайте об этом объяснение». «Я говорил,— ответил Толь,— о происхождении религии, выводя ее из чувства страха. Если кто-нибудь слышал, что мною произнесено было, что религия вредна, то никак не от себя, а только как мнение одного из германских философов, а именно, кажется, Фейербаха...» [23].

Чтение 11 марта (всего в собрании участвовало 13 человек) началось в двенадцатом часу и длилось около трех часов.

Вот как изображал это собрание шпион Антонелли. «Известное лицо» (так Антонелли называет Петрашевского) объявило, «что Толь желает о чем-то говорить, и, положив на стол несколько листов бумаги и несколько карандашей, пригласило желающих записывать свои мнения, когда они найдут в речи Толя что-нибудь не сообразное с их образом мыслей. Все уселись полукругом, Толь поместился в середине и объявил собранию, что намерен рассуждать „о ненадобности религии в социальном смысле“. Сперва он говорил о происхождении религий и разбирал вопрос, существует ли в людях религиозное чувство. Смысл его речи я старался по возможности передать в его собственных выражениях, вот он:

Человек, чувствуя свое несовершенство, старается представить себе что-нибудь высшее, подобное ему по образу, но обладающее всеми совершенствами в высшей степени. Представляя себе подобное существо, человек ощущает в себе какое-то давление, как

бы страх, чувство, которое доставалось испытывать каждому среди дикой страны лицом к лицу с каким-нибудь дивным созданием природы, например со скалою, составленною из множества камней, как будто чудом держащихся друг за друга, и покрытою пеленою какой-то холодности, дикости, неприступности и вместе с тем величия. Это-то чувство давления, страха и принимают все за религиозное чувство. Является человек со светлым, гениальным умом, который это чувство страха, обладающее массой, облачает в виды, придает ему фактивность и направляет его к какой-нибудь цели,— и таким образом является религия. Тут является вопрос, действует ли этот человек из каких видов, или из чистого убеждения? Человек действует решительно из видов, потому что убеждения в человеке не может быть. Фактивная религия, действуя на мораль человека, не только не нужна в социальном смысле, но даже вредна, потому что она подавляет развитие ума и заставляет человека быть добрым и полезным своему ближнему не по собственному его убеждению, а по чувству страха наказания, следовательно, она убивает и нравственность» [24].

По поводу этой речи были большие споры. В них приняли участие, в частности, возражавшие Толю И. Ястржембский, П. Ламанский и др. «Известное лицо», т. е. Петрашевский, «защищало мнение Толя насчет религии, но вместе с тем предполагало возможность убеждений» [25].

Вот как выглядела позиция Толя в изображении других участников этого собрания:

С. Ф. Дуров: «Толь старался доказать, что религиозное чувство в человеке есть следствие сознания своей ничтожности перед миром, его окружающим».

П. Н. Филиппов: Толь утверждал, что «основатели различных религий» — Зороастр, Магомет и другие, исключая Иисуса Христа,— «не веровали в те божества, поклонение которым проповедовали».

П. Ламанский: Толь «приписывал основание религии каждого народа страху, внушаемому окружающей природой»; по мнению же самого Ламанского, выступавшего на том собрании, «страх не везде был главною причиною зарождения религии, потому что были религии, в которых главную роль играли божества благодетельные, а божества устрашающие роль второстепенную».

Ф. Н. Львов: «Что меня более поразило в его рассуждении и что осталось у меня более в памяти, это то, что он объяснял происхождение религиозного чувства от страха и от чувства своей подавленности пред грубыми силами природы, на что я ему даже возражал, что благоговенье и благодарность также имеют место [...] Но он точно сказывал, что религия вредна» [26].

Когда ночью участники собрания расходились после острых дебатов, Толь сказал Антонелли, что «речь, говоренную им в пятницу, как речь о предмете особенной важности, он намерен к будущей пятнице изложить письменно» [27]. Он действительно записал ее, но прочел у Петрашевского не 18, а 25 марта; именно в

этот день, по донесению шпиона, «Толь читал статью о началах религии, написанную им в том же духе, как и прежде» [28].

В бумагах Толя, забранных при аресте, была найдена рукопись, которая, по-видимому, и является записью (и обработкой) ранее произнесенной речи (хотя разбиравший его бумаги чиновник и дал почему-то ей название «Исторические рассуждения о начале и развитии народов»). В ней, между прочим, говорится:

«Так как религии рождаются на всех степенях развития народов, что видно из того, что и самоеды и чукчи имеют свою религию и что христианская и магометанская религия родилась у народов уже весьма образованных, то мы и должны определить их происхождение на различных ступенях общественного развития. Из этого увидим мы, что как, с одной стороны, религии народов неразвитых проистекают единственно из чувства подавленности человека грубыми, но гигантскими силами природы, так, с другой, религии народов образованных имеют источник свой единственно в желании их основателей скрепить свои нравственные и гражданские кодексы высшим авторитетом...».

Первоначальная религия — это поклонение силам природы, связанная с любовно-братским отношением к другим людям. Но когда люди из братьев делаются «членами каст», тогда законодатель «низводит бога на землю, заставляет его из любви к одному народу принять человеческий образ, говорить языком, доступным этому народу, создать для него кодекс морали и государственной жизни. Таким образом явились в критическую минуту Ману, Будда, Зороастр, неизвестный основатель египетской религии, Моисей, Орфей, Гомер, Христос. Все они старались подслушать таинственный голос минувшего, повествовавшего о философии природы, все старались отыскать ключ к морали, которой главными задачами было установление равенства, братства и свободы между людьми, главною целью — благополучие людей. С тою разницею, что один решал эту задачу и думал достигнуть этой цели более духовным, другой — более материальным путем, один был решительнее, менее боялся разрушать старое, другой хотел примирить свою мораль с существующим порядком вещей, найти точки соприкосновения рабства с свободою, братства с господством, равенства с кастами. Оттого, первый находил мало отголосков на своей родине, в стране, где начал проповедовать, второй, заменяя зло злом, или, лучше сказать, ничего не заменяя и не изменяя, только утверждал прежнее, давал ему более прочное основание» [29].

Скажем еще раз: отнюдь не только Фейербах формировал взгляды петрашевцев на религию. Вот и в рассуждениях Толя мы видим мотивы явно нефейербаховские. Но вместе с тем все же и фейербаховская антропология не прошла мимо него. Мы уже приводили говорящее об этом свидетельство из показаний Толя. Процитируем еще один фрагмент из его показаний (данных не ранее 6 мая 1849 г.). Толь утверждает, что начиная уже с 1842 г. он настойчиво, но тщетно искал в литературе ответ на

очень занимавший его вопрос, а именно вопрос религиозный. «Но так как этот вопрос весьма широк и обнимает всю первоначальную жизнь народов, то я не предвидел еще скорого окончания своего труда, да и не торопился, потому что находил в нем истинное наслаждение; тем менее мог, следовательно, взять на себя решение этого вопроса для других. Но однажды, когда М. В. Петрашевский спросил меня, чем я занимаюсь, я отвечал, что читаю теперь историю иезуитов Quinet[30], он стал уговаривать меня поговорить об этом вопросе у него в пятницу. Пришед домой, я набросал несколько мыслей без связи и не справляясь ни с какими книгами, а как пришли мне в голову отрывки из учения Фейербаха и Бауэра, которых вдобавок я еще и не счел нужным читать вполне, почему и прочел одного в извлечении в „Revue indépendante", а о другом только критическую статью, кажется, в том же журнале. Я предполагал переделать эти отрывки, т. е. сделать из них что-нибудь вроде разбора трех главных современных систем феологических, но [...] оставил дело. А когда пришла следующая пятница [...], слегка поговорил об этом, взяв за канву ту бумагу, но высказывая все это отнюдь не за свои мысли, а за мысли названных философов» [31].

НИКОЛАЙ СПЕШНЕВ КРИТИКУЕТ ФЕЙЕРБАХОВСКИЙ «АНТРОПОТЕИЗМ»

В числе посетителей «пятниц» Петрашевского был будущий известный писатель М. Е. Салтыков-Щедрин. Идейная атмосфера собраний первого в России социалистического кружка получила своеобразное художественное отражение уже в его повести «Запутанное дело», напечатанной в «Отечественных записках» в 1848 г. (мартовский номер). Один из персонажей этой повести — «кандидат философии» Вольфганг Беобахтер, к которому автор относится с почти не скрываемой иронией, «в науках, что называется, собаку съел и читал на своем веку и Бруно Бауэра, и Фейербаха, и французов». По мнению некоторых исследователей, прототипом Беобахтера послужил не кто иной, как петрашевец Н. А. Спешнев [32].

Как бы то ни было, проблемы, поставленные Фейербахом, Спешнев обсуждает в своих письмах-диссертациях конца 40-х годов [33]. Сразу же заметим, что Спешнев не вполне удовлетворен фейербаховским «антропотеизмом», усматривая в обожествлении человека остаток религиозного верования; ему более по душе атеизм и материализм Т. Дезами.

Спешнев согласен со своим оппонентом, что «гуманитаризм, обожествление человечества или человека, антропотеизм — одна из доктрин новейшего времени», что «весь немецкий идеализм XIX века — „великая" немецкая философия, начатая с Фихте [...], метит лишь в антропотеизм, пока она, достигнув в лице своего знаменосца и корифея — Фейербаха — своей вершины и называя вещи своими именами, вместе с ним не восклицает: homo

homini deus est — человек человеку бог». Спешнев считает, «что предпосылки для обожествления человечества имелись уже у Гегеля и что школа Фейербаха была его подлинной наследницей в Германии»; косвенное доказательство этого Спешнев видит в том, что у Прудона во Франции и у Каменского в Польше гегелевское учение «выступило как антропотеизм, и пришли они к этому, не зная Фейербаха, как Фейербах не знал их» [34].

При этом Спешнев ссылается на свидетельство Грюна о том, «что он познакомил Прудона с произведениями Фейербаха, когда Прудон уже закончил свой большой философско-экономический труд [...] [35]. Что касается Каменского, то создавая свою философию [36], он, очевидно, не был знаком даже с изданными к тому времени сочинениями Фейербаха» [37].

Другое дело, что, по Спешневу, у Фейербаха единство природы и человечества не нарушается, а у Прудона и Каменского вновь обнаруживается противоположность между ними.

Самое же главное, по мнению Спешнева, в том, что так характезируемый им антропотеизм представляет собой всего лишь «переходное учение [...] Он есть лишь путь, по которому Германия и наука придут к полному и безусловному отрицанию религии [...]

Антропотеизм — тоже религия, только другая. Предмет обоготворения у него другой, новый, но не нов сам факт обоготворения. Вместо бога-человека мы имеем теперь человека-бога. Изменился лишь порядок слов. Да разница между богом-человеком и человеком-богом так уж велика? Разве обособленный христианский бог не был целиком скроен по образу и подобию человека? Конечно, этот бог был существо особенное, отличное от человечества,— но разве в этом суть? [...] А ежели обособленность, немое-Я-бытие христианского Бога есть такой великий грех, такая дурная вещь, разве иначе обстоит дело с антропотеизмом? Разве я, пишущий Вам, так уж тождествен человечеству или „человеку"? Разве все человечество — во мне и разве „человек" настолько полно заключен во мне, что человек начинается мною и кончится мною и что мой самый причудливый каприз является волей „человека", следственно — мировым законом? Если это не так, то „человечество" и „человек" тоже чужие, посторонние для меня существа, не тождественные мне, хотя и довольно похожие на меня, но чуждые мне авторитеты» [38].

Конечно, отмечает Спешнев, есть величайшая разница между христианством, проповедовавшим аскетизм, пренебрежение ко всему плотскому, и антропотеизмом, который, «по крайней мере в той совершеннейшей форме, в какой он является у Фейербаха [...], тащит всего „человека" без остатка к богу. Это есть второе вознесение бога-человека, или человека-бога, который, согласно легенде, взял с собой [на небо] и свое тело (см. Евангелие)» [39].

По убеждению Спешнева, практические результаты социального развития обогнали теорию: к тому времени, когда антропотеизм начал обожествлять плотское, материю вместе с духом, плоть была уже достаточно реабилитирована [40], и поэтому более

предпочтительным является открытый атеизм, лишенный каких бы то ни было религиозных наслоений.

Как видим, антропологизм Фейербаха не только в той или иной степени используется петрашевцами в их осмыслении проблем теории и истории религии, но вместе с тем начинает также и подвергаться критике. Точнее, критикуются в первую очередь те стороны учения Фейербаха, в которых запечатлено было его стремление создать новую, так сказать, безбожную религию — религию человеческой любви.

Все вышеизложенное дает, думается, некоторое представление о том, в каком контексте осуществлялось А. Ханыковым распространение сочинений Л. Фейербаха. Однако картина эта будет недостаточной, если мы не обратимся к еще одному вопросу — вопросу о той роли, которую играли в пропаганде петрашевцев произведения брата Фейербаха — Фридриха Фейербаха.

ФРИДРИХ ФЕЙЕРБАХ — СПОДВИЖНИК ЛЮДВИГА ФЕЙЕРБАХА

Для начала приведем документ, датированный 25 мая 1849 г.,— отношение председателя Комиссии по разбору бумаг арестованных князя А. Ф. Голицына к председателю Следственной комиссии И. А. Набокову о бумагах Б. И. Утина.

«Секретно.
М[илостивый] Г[осударь] Иван Александрович!

В бумагах студента Бориса Утина оказалась тетрадь с сочинениями его, в которых проявляются предосудительные мысли, и русский перевод сочинения Фридриха Фейербаха под заглавием: «Религия будущности» [...] Имею честь присовокупить, что по объявлению г. действ. ст. сов. Липранди перевод помянутого сочинения Фейербаха дан был агенту Наумову Катеневым, который в том и сознался [...]

Кн. Александр Голицын» [41]

Имя, жизнь, сочинения Фридриха Фейербаха до самого последнего времени были у нас почти не известны: справки о нем мы не найдем ни в одном из советских энциклопедических изданий [42]. Иногда его произведения приписывались даже Людвигу Фейербаху [43]. Незнание в этом случае, как и во многих других, невольно служило несправедливости. И потому представим вкратце здесь одного из родных братьев Фейербаха.

Фридрих-Генрих Фейербах был на два года моложе Людвига: он родился 29 сентября 1806 г. Как и Людвиг, в детстве он находился под большим влиянием протестантского либерализма своего отца; затем на его мировоззрение оказали определенное воздействие революционно-демократические воззрения старшего брата — Карла-Вильгельма.

С детства Фридриху легко давались языки, в том числе и такие трудные, как санскрит. Отрывок из «Махабхараты» напеча-

тал в его переводе журнал «Аусланд». В 1834 г. Фридрих перевел роман Прево «Манон Леско» [44].

Людвиг и Фридрих с большим уважением относились друг к другу, можно даже говорить об их духовном, идейном родстве. И не случайно, что с конца 30-х годов Фридрих стал выступать горячим пропагандистом философии Людвига.

В 1838 г. в Швейцарии анонимно вышла книга Фр. Фейербаха «Богочеловек» — первый опыт популяризации идей Людвига [45]. В ней содержался призыв «воссоединить в человеческом сердце истинного бога христианства с принципами подлинной нравственности в единый братский союз», а вместе с тем — критика христианских догматов с позиций рационализма [46].

Спустя пять лет, в 1843 г., Фр. Фейербах издает посвященную памяти старшего из братьев Фейербахов — Карла книгу «Религия будущего». В ней он, следуя основным принципам «Сущности христианства» (но, пожалуй еще более остро, чем Людвиг, в форме резкой полемики с христианским учением), развивает положение о противоположности антропологизма и христианской веры.

В это время Германию буквально захлестывала волна мутного католического пиетизма, что вполне отвечало консервативно-реставраторской политике вступившего на престол нового прусского короля — Фридриха-Вильгельма IV [47]. Чуть ли не официальной доктриной прусского государства становится учение религиозного фанатика, ультрамонтана, профессора государственного и церковного права Ф.-Ю. Шталя о «христианском государстве» (это тот самый Шталь, «Философию права...» которого в 1835 г. рецензировал Л. Фейербах).

В годы, когда в Германии начало оживать замершее было в 1834—1840 гг. «общественное движение» [48], но все еще большую силу имела проповедь правогегельянцев о тождественности философии и религии, Фридрих вслед за Людвигом, утверждавшим, что «существующие религии заключают бесконечно много отвратительного и несовместимого с истиной» [49], писал в своей «Религии будущего», что «религия» — это не что иное, как «учение о счастье», всего лишь определенное «убеждение» людей, связанное с формированием у них гражданского самосознания. Что же касается традиционного христианства, то, хотя оно и продолжает требовать «жертв от разума, мыслящего объективно», оно уже изжило себя. В вопросе о главных условиях счастья людей Фр. Фейербах вполне разделяет положения «Сущности христианства». На это произведение брата он делает ссылку в одной из глав своей книги. Но дело, конечно, не в этой ссылке, а в идее антропологизма, пронизывающей всю его концепцию человека и бога: «Люди радуются богу как своему физическому отражению, как своему подобию, в котором они видят всю их сущность, не узнавая тем не менее себя в нем, подобно детям, смотрящим в зеркало и не узнающим в нем себя» [50].

Рассуждая об «истинном государстве», Фр. Фейербах считает

его светским по природе — и потому оно должно быть, по его убеждению, отделено от церкви. Однако священнослужители могут, допускает он, стать людьми, нужными обществу; но в таком случае они должны из теологов превратиться в антропологов, стать «застрельщиками народного образования и культуры».

В 1844 г. в Нюрнберге вышла вторая часть «Религии будущего» (с подзаголовком «Назначение человека»), посвященная обоснованию новой безрелигиозной этики, формирующейся в результате совместной деятельности людей.

Год спустя в том же городе издана была третья часть «Религии будущего» — «Человек или Христос? Быть или не быть?», провозглашавшая труд важнейшим условием достижения человеческого счастья.

Работы Фр. Фейербаха сыграли определенную роль в середине 40-х годов в борьбе против клерикальной католической олигархии в Швейцарии. На них ссылались польские революционные демократы середины XIX в.[51] Они пользовались авторитетом и у немецких рабочих, входивших в «Союз справедливых» [52].

Во время революции 1848 г. в Германии во «Всеобщей прусской газете» появилась статья, где теория «самодостаточности человеческой любви» Фр. Фейербаха изображалась как теория безнадежности, а братья Фейербахи, Марр [53] и их единомышленники обвинялись в том, что «они добиваются ослабления религии» [54].

Запрещенные (в марте 1848 г.) Комитетом иностранной цензуры к распространению в России, книги Фридриха Фейербаха были, оказывается, не только известны просвещенным русским людям 40-х годов («Религия будущего», к примеру, находилась в библиотеке Н. Г. Фролова — одного из друзей Станкевича и Грановского [55]), но и явились своего рода материалом для пропаганды, осуществлявшейся петрашевцами.

КТО АВТОР — Фр. ФЕЙЕРБАХ ИЛИ А. ХАНЫКОВ?

Из показаний Б. И. Утина, июль 1849 г.:

«[Вопрос]: В бумагах ваших найден русский перевод сочинения Фридриха Фейербаха под заглавием „Религия будущности" Объясните, для чего вы переводили это сочинение.

[Ответ]: Я эту статью не переводил, а, купив книгу „Das Wesen des Christenthums" у букиниста, нашел эту статью в ней. Утин» [56].

...Рукописная тетрадка — восемнадцать страничек — с заголовком «Религия будущности. Человек или Христос? Быть или не быть?» Фр. Фейербаха. Ни даты, ни подписи. В руки царских чиновников эта тетрадь попала, как уже известно читателю, во время ареста петрашевцев вместе с другими бумагами студента Б. Утина. Другой экземпляр рукописи попал в комиссию по разбору бумаг арестованных иным путем: ее через Антонелли доста-

вил шпион-лавочник Н. Ф. Наумов, получивший ее от 19-летнего литератора В. П. Катенева.

До недавнего времени считалось — в этом убеждении остались и царские следователи,— что эта рукопись является переводом сочинения Фр. Фейербаха. Современная исследовательница Ф. Г. Никитина, сличившая рукопись с сочинениями Фр. Фейербаха, пришла к иному выводу: произведение это весьма отличается от работ Фр. Фейербаха и по размерам и по форме; здесь нет обычных для немецкого автора длинных цитат из Библии, разбора мыслей католических богословов; работа рассчитана на не слишком образованного читателя, «на рядовых верующих» [57]. Однако лейтмотив произведения — критика религии с антропологической точки зрения — вполне соответствует идеям Л. и Фр. Фейербахов.

Как считает Ф. Г. Никитина, автором этой атеистической рукописи, ходившей по рукам близких к петрашевцам студентов, был Александр Ханыков. К этому выводу она пришла не только на том основании, что содержание рукописи в наибольшей степени соответствует убежденному атеизму этого человека, ведшего пропаганду среди студенчества, но также и потому, что на рукописи сохранилась полустертая карандашная помета с адресом Александра.

Даже, оставив в стороне вопрос о степени оригинальности этого произведения, нельзя не признать: идеи Л. Фейербаха — в интерпретации, данной им его братом,— использовались петрашевцами и, в частности, Ханыковым для атеистической пропаганды.

Рукопись эта буквально «ходила по рукам». Ее читал не только Б. Утин. По признанию В. Катенева, Петр Шапошников, «отвращая его, Катенева, от христианской религии, давал ему читать нравственный закон Вольтера и рукописную тетрадь под заглавием „Религия будущности“, которую он, Катенев, переписал и давал читать Наумову» [58]. Копия этой рукописи, побывавшей в руках полицейского агента Н. Наумова, имеется во второй части дела «Предварительные сведения по донесениям агентов» [59].

Очевидно, А. Ханыков придерживался того мнения, что идеи Фейербаха много способствуют осуществлению цели просвещения русского общества, которую имели в виду петрашевцы,— иначе зачем бы ему не только давать книгу Фейербаха студенту Чернышевскому, но и переводить, перелагать сочинение его брата!?

Приведем хотя бы небольшие отрывки из этой в полном смысле пропагандистской брошюры: «Мы пришли на землю, не заключив никакого договора с существом вышечеловеческим, от выполнения которого (договора) зависело бы наше бытие и благосостояние на земле. И потому мы не обязаны знать, приятно или неприятно такому существу, как мы хотим устроиться на земле.

Мы живем на земле, а она, как известно, не сказочная страна,

где жареные голуби в рот летят. Это место-обиталище так устроено, как и вся природа наша, что мы — говоря о большинстве людей — только трудом и взаимным содействием можем достигнуть того, к чему стремятся наши потребности, наклонности и способности [...]

Мы справедливо желаем счастья здесь, на земле, счастья без других границ, кроме границ, основывающихся отчасти на гармоническом развитии нашей природы, отчасти на законном благосостоянии всех [...]

[...] Ежели мы желаем улучшить состояние людей, что невозможно без признания человеческих потребностей, то *мы должны прежде всего стараться, чтобы не дух христианства владел человечеством*, осуждающий и проклинающий нашу природу, а другой, совершенно с нею примиренный [...]».

Отметим, что слова, выделенные в предыдущем предложении курсивом, подчеркнуты в тексте брошюры красным карандашом следователя.

Но продолжим цитирование:

«Вечный, постоянный зародыш человеческой природы, в сущности неизменный, заключается в нас самих; ее *волю* мы должны рассматривать как важнейшую путеводную *звезду, как истинный закон,* ее собственные *силы* — как главнейшие *источники счастья.*

Нет спасения вне человека!

Это единственное выражение будущей религии, вернейшая проба для узнания, положив руку на сердце, свободны ли мы от всех религиозных бредней, обращены ли мы к делу человечества [...]

Проповедовать надежду на бога — значит задушить в зародыше человеческое самосознание, поставить в обязанность неверование в людей, уничтожить между ними *верность* и *доверие* [...]

Скоро настанет время, когда серьезно подумают об исключении религии от воспитания людей [...]» [60].

...Арестованный 2 мая 1849 г., Александр Ханыков 22 декабря вместе с другими осужденными петрашевцами был выведен на Семеновский плац. Первоначально Военно-судная комиссия приговорила его к четырем годам каторги. Генерал-аудиториат, приговоривший его к расстрелу, ходатайствовал вместе с тем перед царем о замене смертного приговора десятью годами каторги... И вот воспоследовала царская милость: рядовым в оренбургские батальоны.

Отправленный в Орскую крепость, Александр не сломился и не обратился к религии, как полагали некоторые исследователи [61]. Он участвует в тайном русско-польско-украинском кружке политических ссыльных [62]. Здесь, в Орской крепости, Ханыков продолжал свою пропаганду: именно он познакомил Тараса Шевченко с ученьем Фурье и «Сущностью христианства» Л. Фейербаха [63].

Вновь попав под следствие, Александр Ханыков был переведен в другой батальон, где заразился холерой и умер — 30 июня 1853 г.[64]

Спустя восемь лет, в 1861 г., во второй книге «Исторических сборников» Герцен напечатал приговор по делу петрашевцев; так имя Александра Ханыкова попало на страницы вольной русской печати[65].

ЯКОВ ХАНЫКОВ В ГОСТЯХ У ЛЮДВИГА ФЕЙЕРБАХА

Знал ли Людвиг Фейербах, что его сочинения столь внимательно изучаются русскими, что его идеи имеют столь большую притягательную силу среди «Молодой России»? Точно это нам неизвестно, но можно предположить: отчасти все-таки знал. Скажем осторожнее: мог слышать... От кого?

В конце 40-х — начале 50-х годов от некоторых немецких мелкобуржуазных демократов, с которыми он тогда поддерживал тесный контакт, от Гервега, Руге, Каппа... Ведь в это же самое время с ними очень тесно соприкасается один из самых горячих русских поклонников Фейербаха — Александр Герцен. Можно только чудом (или досадным, огорчительным недоразумением?) считать, что эти общие их знакомые не свели, не познакомили их... Впрочем, не стоит удивляться: даже с Марксом и Энгельсом Фейербах ни разу не виделся, не поговорил с глазу на глаз, хотя оба они в разное время (Маркс — в 1843 г., Энгельс — в 1844 г.) собирались навестить Фейербаха. Обстоятельства помешали...

Но вот осенью 1861 г. в доме у Фейербаха (он жил тогда уже в Рехенберге, близ Нюрнберга) появился неожиданный гость из России. Это был двоюродный брат Александра Ханыкова — Яков Николаевич Ханыков.

Сведения о Я. Н. Ханыкове, которыми мы располагаем, очень скудны. Известно, что родился он в Москве 23 февраля 1837 г. Отец его — родной брат отца Александра Ханыкова — владел наследственными поместьями в Калужской губернии. Окончив в 1854 г. Первую московскую гимназию, Яков поступил на юридический факультет Московского университета и в 1858 г. окончил его со званием первого кандидата. В университете, да и после окончания его, Ханыков тесно общался с оппозиционно настроенными студентами. Большое впечатление произвели на него сочинения А. И. Герцена, которого Яков причислял к людям, имеющим «мировое значение». Он считал, что своими работами Герцен оказал ему «личное благодеяние». Позже он писал Герцену[66]: «„Полярная звезда“ (именно 3-я и 4-я) попала мне в руки в критическую эпоху моей жизни. Я никогда не верил авторитетам, с детства мучили меня вопросы, и ничто меня не удовлетворяло. До университетской аудитории я был лишен всякого почти пособия для развития. Я должен был заключиться в себе; сме-

лость отрицания приводила меня до результатов, которые меня пугали [...]

Не стану рассказывать вам длинную повесть моей внутренней жизни, борьбы с семейными предрассудками,— я был в напряженном состоянии в то время, когда я после многих усилий достал „Полярную звезду" и „С того берега". Я был так счастлив, такое чистое наслаждение давала мне ваша мысль, которая так глубоко проникала в мое сознание! [...] Я со страстью бросился на все, что было написано вами. Благодаря полиции мне стоило долгих трудов отыскать в старых „Отечественных записках" ваши статьи — везде почти они были вырваны. Я их достал у мелких букинистов Москвы» [67].

5 мая 1861 г., преодолев ожесточенное сопротивление родственников, Яков Ханыков обвенчался с любимой девушкой, и через два дня отправился с женой за границу. «С скудными средствами, без материальной поддержки так называемых родных, да зато с богатыми надеждами на свои молодые силы, с сладким сознанием независимости и самостоятельности начали мы свою жизнь. Успокоенный теперь, я могу быть на что-нибудь годным» [68].

И вот в конце октября Яков Ханыков появляется в доме Фейербаха и предлагает свои услуги по переводу его сочинений на русский язык, с тем чтобы издать их у Трюбнера.

Вот что писал Ханыков Герцену 31 октября 1861 г. из Гейдельберга:

«Несколько дней тому назад я писал вам, Александр Иванович, о моем намерении посетить Фейербаха. Сегодня вернулся я от него, очарованный его ласковым приемом, его человечностью, которая проявляется в нем каждым словом, каждым приемом. Вас он знает; ему знакомы все почти ваши сочинения по немецким и французским переводам. Он просил меня при случае заявить вам его глубокое уважение. Я ему подарил ваш портрет, чем он очень обрадован.

Я взялся за перевод его творений не с целью спекуляции. Я хотел только, чтобы гонорар переводчика сделался бы собственностью автора. Фейербаху более чем кому-либо нужна гарантия этих прав — это его кусок хлеба. Ему теперь надо еще иметь теплый угол для занятий. Состояние его расстроено. Преследования со стороны правительства, литературных врагов, педантов-профессоров, не дающих ему хода,— все это сильно потрясло, подломило, но не сломило его. Он борется с нуждой. При самой безотрадной, неудобной обстановке он работает, и вскоре он будет печатать новые исследования по важным вопросам нравственной философии. Он стоит на настоящей точке зрения на природу. Он следит за всем, что есть нового в науке и литературе. Он обещал мне, в знак особенного сочувствия русскому движению, дать мне для перевода свою рукопись, прежде чем она (будет) напечатана, так что на русском языке трактат Фейербаха о „Свободе воли и материализме" будет читаться прежде, чем на

немецком. Вообще, Фейербах зол на немцев, с которыми он ничего не имеет общего, кроме происхождения и пристрастия к пиву, что, однако, не делает его филистером. Он человек в высшей степени симпатичный.

Я ему указал на Трюбнера с тою целью, чтобы скорее и при соблюдении выгод обеих сторон можно было привести дело к концу. Фейербах предлагает Трюбнеру продолжать издание его сочинений в русском переводе, что будет, я думаю, приятно г. Трюбнеру. Он может и первый том издать под общим заглавием „Сочинений Фейербаха". Перевод „Сущности христианства", как я слышал, сделан Рыбниковым. Его имя ручается за достоинство перевода. Я лично знаю Рыбникова еще по университету.

Таким образом мне хотелось бы устроить, чтобы Фейербах получил бы долю выгоды из предполагаемого перевода. Что касается до меня, я приступаю к этому делу con amore [...]» [69].

Цитируемое письмо было опубликовано только в 1955 г. в 62-м томе «Литературного наследства». Но до сих пор оно, как нам представляется, не проанализировано столь тщательно, как оно того заслуживает.

Обратим прежде всего внимание на то, что Яков Ханыков был по-видимому, *первым из русских,* посетивших Фейербаха, вступивших с ним в непосредственный, личный контакт. Причем это был представитель того молодого поколения, которое было воспитано на произведениях Герцена, впитавших в себя здоровые соки фейербаховской философии. Яков Ханыков именно потому и отправился к Фейербаху, что считал себя учеником Герцена,— и не случайна фраза: «Он стоит на настоящей точке зрения на природу». В ней — выражение того единства, которое Ханыков узрел в сочинениях Герцена и Фейербаха.

В письме Ханыкова рисуется обаятельный *образ личности* Фейербаха — эта информация была очень важна для Герцена, знавшего Фейербаха лишь по его сочинениям. *Отсутствие филистерства* — вот что особенно подчеркивает корреспондент Герцена.

Очень важны слова Ханыкова о том, что Фейербаху знакомы почти все сочинения Герцена, вышедшие по-немецки и по-французски. Напомним, что к этому времени на этих языках появились следующие произведения Герцена: «С того берега», «Письма из Франции и Италии», «О развитии революционных идей в России», «Прерванные рассказы», первые главы «Былого и дум».

Если Фейербах был действительно знаком с этими сочинениями (а мы можем предположить, что так оно и было,— ведь, повторяем, среди знакомых Фейербаха — и Гервег, и Канп, и Руге, которые могли ему рекомендовать работы Герцена), то, значит, он обладал определенными представлениями не только о развитии освободительного движения и литературы в России, но и о характере «русского философствования». Надо ли упоминать о том, что особое внимание Фейербаха могли привлечь неоднократные упоминания Герценом его имени!?

Наконец, специально отметим слова об «особенном сочувствии русскому движению», столь сильном у Фейербаха, что он предполагал даже опубликовать свою новую работу (названную затем «О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли») первоначально на русском языке. Это не случилось, но в данном случае это и не так уж важно. Куда важнее духовная поддержка Фейербахом того демократического движения в России, которое для него олицетворяли непосредственно Яков Ханыков, а в литературе — Герцен. Напомним: «Он просил меня при случае заявить вам его глубокое уважение. Я ему подарил ваш портрет, чем он очень обрадован».

Значит, в архиве среди вещей Фейербаха должен был сохраниться портрет Герцена!

КТО БЫЛ ПЕРВЫМ ПЕРЕВОДЧИКОМ «СУЩНОСТИ ХРИСТИАНСТВА»?

Ханыков сообщает Герцену, что перевод «Сущности христианства», как он слышал, «сделан Рыбниковым. Его имя ручается за достоинство перевода».

Прежде, до того как Е. Л. Рудницкая опубликовала письма Я. Ханыкова, переводчиком «Сущности христианства» (со 2-го ее издания), вышедшей в 1861 г. у Трюбнера, считался Ханыков. После 1955 г. стали писать, что «Филадельф Феомахов» (такое имя стояло на обложке) — это П. Н. Рыбников. Признаем, что полной достоверности здесь все же нет: Яков Ханыков лишь только слышал об этом. Однако и в такой форме это сообщение его заслуживает того, чтоб обратиться к новой для нас фигуре — *Павлу Николаевичу Рыбникову* (1831—1885).

Окончив в 1858 г. историко-филологический факультет Московского университета (таким образом, в университете Яков Ханыков и он учились одновременно), Рыбников затем изучал старообрядчество и записывал народные песни в Черниговской губернии. В 1859 г. он был арестован в связи с принадлежностью к кружку так называемых вертепников (о нем мы скажем чуть ниже) и вскоре был сослан в Петрозаводск, где служил в канцелярии губернатора. С 1866 г. Рыбников был вице-губернатором в г. Калиш. На протяжении ряда лет он успешно занимался этнографией и фольклористикой в Олонецкой губернии: в 1861—1867 гг. вышли 4 тома «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» (запись 224 народных песен и былин)...

Когда Рыбников учился в университете (1855—1858 гг.), вокруг него и еще одного студента — М. Я. Свириденко образовался кружок свободомыслящих студентов и преподавателей, называвших почему-то себя вертепниками. Своеобразные продолжатели общества петрашевцев, «вертепники» увлекались передовыми для своего времени социальными (собственно говоря, утопически-социалистическими — Фурье, Прудона) и философскими (Гегеля,

Фейербаха) учениями. Рыбников был и слыл среди них самым ревностным пропагандистом Фейербаха.

Сын известного историка М. П. Погодина — Д. М. Погодин писал впоследствии: «Молодые люди этого кружка зачитывались Фейербахом, Ренаном и всем, что писалось с целью колебания веры в бога и полного отрицания его существования» [70].

Посещавший кружок «вертепников» П. С. Ефименко, в будущем известный этнограф, в своих показаниях следственной комиссии в 1860 г. свидетельствовал: «Сочинениі здесь никаких не читали, один раз только помню, когда зашел спор о чудесах, Рыбников прочел небольшую статью из Фейербаха об этом. Хомяков [71] опровергал мнение Фейербаха» [72]. Из письма Рыбникова конца 1859 г. видно, что фейербаховские идеи стали его собственными. В связи с размышлениями о возможности жизни вне земли он пишет: «Но знает ли на иных землях человек, что эта природа не что-нибудь чужое ему, а родная мать, что в нем и единственно в нем она достигает сознания? Или, быть может, и там он пугается величия своего разума и чувства, падает в прах перед явлением природы и обожает разных кукол, создания своего страха и благодарности?» [73]

Рыбников был хорошим знатоком древней классической литературы, богословия, современных экономических учений... Знавший Рыбникова в Петрозаводске в первые годы его пребывания там В. Модестов писал, что часто их беседы и споры «вращались вокруг имен Фейербаха, Макса Штирнера, Луи Блана и Прудона наряду с которыми, впрочем, были другие, как Гегель, Вико, Монтескье» [74]. Так что вполне возможно предположить, что Рыбников, столь высоко ценивший и хорошо знавший Фейербаха, взялся за перевод «Сущности христианства» и осуществил его. Но вот как этот перевод попал к Трюбнеру?

20 (8) ноября 1860 г. Герцен писал П. В. Анненкову: «Трюбнеру я предложил издать „Das Wesen des Crhistentums“ за три фунта с печатного листа, сначала он мялся, боится, что эта книга не пойдет, наконец говорит, что если я напишу предисловие... то он готов издать, и если хорошо книга пойдет (по моему контролю), то он заплатит 3 ф. с листа. Если угодно на этих условиях, то пусть присылают к нему рукопись» [75].

Из этого письма видно, что посредником в доставлении рукописи перевода «Сущности христианства» в издательство Трюбнера был П. В. Анненков — один из постоянных корреспондентов Герцена этого времени.

Когда, как и от кого была доставлена эта рукопись, неизвестно. Однако в начале весны следующего 1861 г. (Ханыков в это время был еще в Москве) русский перевод «Сущности христианства» уже в производстве.

«Колокол», № 93, 1 марта 1861 г., с. 788:

«В скором времени выйдет у гг. Трюбнера и К-нии „Сущность христианства“ Людвига Фейербаха. Перевод сделан со второго исправленного издания Филадельфом Феомаховым».

Через две недели Герцен уже держал в руках сделанную на пробу «страницу» русского Фейербаха... [76]

А вскоре вышла и сама книга. В кратком предисловии к ней, озаглавленном «Два слова от издателя русского перевода», говорилось:

«Книги Бюхнера, Молешотта и Фохта читаются русскою молодежью с жадностью. Все эти писатели — ученики Фейербаха, первого мыслителя нашей эпохи, потому надобно ожидать, что перевод капитального его творения будет принят между молодым поколением с тою симпатиею, которой заслуживает оно своим великим научным достоинством.

Но если мы думаем, что переводчик заслужит признательность всего молодого поколения России, то в особенности возбудит издаваемая теперь книга интерес, конечно, между молодыми людьми, находящимися в духовных русских училищах. Им ближе всего этот предмет. Огромное большинство этих молодых людей жаждет истины, но очень немногие из них могут читать книги на иностранных языках, а на русском до сих пор они не могли найти ничего, соответствующего их стремлению узнать сущность христианства,— потому-то и посвящен им перевод, нами издаваемый» [76а].

А, может, рукопись перевода, осуществленного в свое время Рыбниковым, пришла в Лондон от кружка Зайчневского — Аргиропуло, тех самых «печатальщиков», четверо из которых присутствовали на венчании Якова Ханыкова?

Где-то в самом начале 1861 г. этот кружок, иначе называемый «Библиотека казанских студентов», предпринял самостоятельное издание (точнее, литографирование) одного из сочинений Фейербаха — его «Лекций о сущности религии», прочитанных в конце 1848 — начале 1849 г. Перевод был сделан по 8-му тому сочинений Фейербаха (1851). Из предпосланного книге обращения кружка к своим читателям, называвшегося «Несколько слов от издателей», видно, что кружок не литографировал фейербаховской «Сущности религии», отдав предпочтение «Лекциям ...» ввиду их большей ясности и доступности изложения. Перевод, предпринятый с целью широкой пропаганды, был коллективным: для быстроты он осуществлялся по частям, одновременно несколькими лицами.

В предисловии сообщалось, что кружок полностью перевел и подготовил к изданию все примечания и добавления Фейербаха к «Лекциям...», входившим в 8-й том его сочинений (но они так и не увидели света). Очевидно, вообще из Фейербаха членами кружка было переведено намного больше, чем удалось налитографировать.

Литографированные издания, а среди них и работа Фейербаха, широко распространялись по стране. Так, А. И. Новиков, бывший студент Харьковского университета, выехавший весной 1861 г. из Москвы с большим грузом литографированной литературы, писал из Харькова, что там особенным спросом пользуются

сочинения Бюхнера (также изданного кружком) и Фейербаха [77]. В конце 60-х годов «Лекции о сущности религии» читались семинаристами в Вологде...

В общем, по совести говоря, мы так и не знаем вполне достоверно, кто же именно впервые переводил на русский сочинения Фейербаха. А ведь существовали, вероятно, и еще переводы. Есть сведения, что в 1862 г. в Гейдельберге по-русски вновь была издана «Сущность христианства» [78]. А вот сообщение из 140-го листа «Колокола» (1 августа 1862 г., с. 1164):

«— *Новые переводы.*— Нам пишут, что в скором времени выйдут в свет: Избранные сочинения Гейне, перевод Майкова, „О представительном правлении" Ст. Милля и „Сущность религии" Л. Фейербаха».

От кого весточка?

ЗАМЫСЕЛ НЕ ОСУЩЕСТВИЛСЯ, ОТНОШЕНИЯ СОХРАНЯЮТСЯ

Какая-то загадка связана с письмами Я. Ханыкова Герцену: последняя часть, окончание во всех трех известных нам письмах отсутствует, просто-напросто оторвана. Будто кто-то (не сам ли Герцен?) настойчиво стремится к тому, чтоб фамилия их автора так и осталась неизвестной. Но почему?..

Вернемся, однако, в дом Фейербаха. В тот день, 31 октября 1861 г., когда Яков Ханыков описывал Герцену свою встречу с немецким философом, последний обратился из Рехенберга к Трюбнеру в Лондон с предложением об издании его сочинений в русском переводе под руководством и наблюдением Якова Ханыкова. «Так как теперь уже в Вашем, известном в России с самой лучшей стороны, издательстве выходит из печати перевод моей «Сущности христианства», перевод, за удачу которого ручается одобрение и рекомендация известного писателя Герцена,— писал Фейербах Трюбнеру, (и эту книгу, по мнению Фейербаха, хорошо было бы обозначить как первый том собрания его сочинений),— то я желал бы, по согласованию с господином Ханыковым, чтобы также и все остальные напечатанные мною труды появились в русском переводе у Вас, предполагая, что Вы признаете мои права как автора, а относительно приемлемых условий издания мы найдем общий язык...» [79]

Ответ Трюбнера (от 4 декабря) не содержал ничего утешительного: он сообщал, что должен сначала убедиться, будет ли первая выпущенная им на русском языке книга Фейербаха иметь успех у русской публики, подобно тому, как это имеет место в случае с герценовскими сочинениями... Возможно, что весною можно будет уже сделать определенное заключение в отношении издания трудов Фейербаха, но и в этом случае желательно было бы начать с такой работы, какая вообще еще не была опубликована и могла бы быть переведена с рукописи... [80]

Таким образом, инициатива Ханыкова в отношении русского

издания собрания сочинений Фейербаха захлебнулась, напоровшись на сугубо деловые, даже меркантильные соображения Трюбнера. Тут, вероятно, надо принять в соображение и еще вот какое обстоятельство: Герцен с изданием Фейербаха на Трюбнера явно не «давил»; во всяком случае, во второй половине 1862 г. ему было не до этого, точнее, не это, не проповедь атеизма считал он важнейшей задачей революционной пропаганды.

В «Колоколе» (л. 141, 15 августа 1862 г.) в статье «Журналисты и террористы» Герцен, обращаясь к радикальной молодежи в России и призывая ее оставить «революционную риторику» и заняться «делом», писал: «Соединяйтесь плотнее между собой, чтоб вы были сила, чтоб вы имели единство и организацию, соединяйтесь с народом, чтоб он забыл ваш откол; проповедуйте ему не Фейербаха, не Бабёфа, а понятную для него религию земли... и будьте готовы. Придет роковой день, станьте грудью, лягте костьми, но не зовите его как желанный день» [81].

Итак, несмотря на все старания Я. Ханыкова, его намерение дать Фейербаху заработок от русского издания его сочинений так и не осуществилось. Но из жизни Фейербаха он не исчезает, не уходит,— их связи на этом не прекращаются.

Одно из свидетельств тому — письмо Фейербаха В. Болину (одному из приверженцев его идей в Финляндии) от 5 ноября 1862 г. Сообщая здесь, что он работает над статьей «Das Geheimnis des Opfers oder Der Mensch ist, war er ißt» [81а], Фейербах сетует: его то и дело отвлекают от занятий друзья и знакомые, посещающие его дом в Рехенберге; подобно вновь открытым планетам и кометам, «они приходят, не спрашивая нас предварительно, не помешают ли они нам в системе и ходе наших мыслей». Особенно в этот год, особенно в эту осень Фейербах был, по его словам, настигаем такими визитами. «Лишь вчера распрощался я на вокзале, после двухдневного почти непрерывного совместного пребывания, с одним — не пугайтесь — русским государственным советником, с одним — что внушает бесконечно больше уважения — крупным математиком, как, равным образом, большим знатоком восточных языков, стран и народов, а одновременно в высшей степени свободомыслящим и вообще образованным человеком, двоюродным братом одного юного русского, который посетил меня еще в прошлом году с тем, чтобы сговориться со мной об осуществлявшемся, уже начатом, но вследствие новейших событий вновь застопорившемся переводе моих трудов на русский язык, и который с тех пор водворился в Эрлангене, что дает нам возможность еженедельно посещать друг друга» [82].

Комментируя это письмо, впервые опубликованное еще в 1874 г. Грюном [83] и перепечатывавшееся также в книге «Избранных писем от и к Людвигу Фейербаху» (это издание осуществлено было в 1904 году в Лейпциге В. Болиным), исследователь ГДР В. Шуффенхауэр ошибочно заключил, что, говоря о «русском государственном советнике», Фейербах имел в виду Я. Ханыкова [84].

На самом деле,— и тут в нашем повествовании появляется новое лицо — речь у Фейербаха здесь шла о встрече и беседах с двоюродным братом Якова и родным братом Александра Ханыкова — Николаем Владимировичем — известным востоковедом и дипломатом, проживавшим в то время в Париже.

Мы еще вернемся к характеристике отношений между Н. В. Ханыковым и Л. Фейербахом. Пока же отметим, что, продолжая письмо, Фейербах так характеризует Якова Ханыкова: «Он имеет также молодую жену, которая, владея немецким как лифляндка по рождению, задушевно сошлись с моей женой и дочерью. Варварская мания преследования в России загнала их сюда. И потому именно гуманность требует,— имея в виду личность и образованность обоих,— сделать для них исключение из закона сбережения времени и силы» [85].

Итак, Яков Ханыков после своего знакомства с Фейербахом не только продолжал поддерживать с ним довольно тесные отношения (образовалась даже дружба семьями), но и свел с ним своего двоюродного брата — Н. В. Ханыкова. А жизнь Фейербаха в 60-х годах была очень трудна — и все чаще охватывало его чувство одиночества.

Яков Николаевич постоянно внимателен к престарелому немецкому философу, а последний, в свою очередь относится к молодому русскому с искренней симпатией. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Фейербаха Я. Ханыкову от 4—5 августа 1864 г. Оно связано с тем, что к своему шестидесятилетию Фейербах получил из Берлина от его русских почитателей подарок — серебряный кубок (немецкие преподнесли ему чашу из серебра) [86]. Юбиляр был очень растроган

«Рехенберг, 4 августа [18]64

Мой дорогой господин Ханыков!

Лишь сегодня я имею возможность дать Вам и Вашей уважаемой супруге явный знак признательного и душевного расположения в ответ на столь сердечное поздравительное письмо. Как Вы уже знаете, буквально на другой день после моего дня рождения, я отправился в Руппрехтхаген, чтобы удовлетворить неутолимую потребность в укрепляющем лесном и горном воздухе. Там я тепло думал о вас обоих — мы же вместе провели там такие прекрасные дни,— но у меня не было ни времени, ни охоты доверять эти мои думы бумаге. Но и непосредственно после моего возвращения оттуда я опять-таки не имел ни покоя, ни времени вспоминать об отсутствующих друзьях с пером в руке, так как друзья присутствующие, д-р Болин из Финляндии и пейзажист Л. Флис из Мюнхена, старый верный друг, которого я уже не видел двенадцать лет, всецело мной завладели. Но даже, оставляя вне внимания эти внешние препятствия, я находил, что слово, а именно письменное слово, слишком неподходяще и недостаточно для выражения моих чувств в связи с мощью и великолепием этих ценных берлинских подарков. С этим чув-

ством недостаточности письменных слов я сказал поэтому моей дочери и через нее хочу сказать Вам: я принесу нашим берлинским друзьям тебя и себя, как живой обратный подарок. Пока я еще в нерешительности, сдержу ли я это слово, и по этой причине я еще и сегодня колебался и сомневался, должен ли я писать Вам. Эта нерешительность, однако, зависит не от моральных или политических соображений и оснований— во всяком случае не только от них,— но главным образом от соображений санитарно-политических. Поездка для отдыха является для меня настоятельной потребностью, но спрашивается, какое направление, какая страна света наиболее соответствует этой потребности, этой цели? Юг ли, где природа, или Север, где человеческий мир предстанет моим глазам самым душевно дружественным по отношению ко мне, но одновременно также и в самых отталкивающих образах и проявлениях. Во всяком случае, решение зависит от моего самочувствия, и поэтому я еще некоторое время должен гадать, по крайней мере дней 8—14. Если я буду не столь утомленным, не столь изнуренным, не столь чувствительным, не столь зависимым от погоды, как до сих пор,— за исключением нескольких дней, то я приеду с дочерью в Берлин, чтобы собственной персоной засвидетельствовать Вам и Вашей уважаемой жене свою благодарность, любовь и уважение.

Л. Фейербах.

5 авг[уста]. Я вчера не отдал письма на почту, на тот случай, чтобы заметить еще кое-что, что может придти на ум. Но до сих пор я не вспомнил ничего другого, кроме того, что если я приеду, то, вероятно, в обществе господина Баиерлахера и в Берлине пробуду только несколько дней. Сегодня я написал об этом также господину *Фридлендеру*.

P. S. Это письмо было уже написано в моем кабинете, когда, спустившись к обеду, я получил известие от дочери о полученных ею письмах от Вас. Я совсем забыл отметить, что, если я решусь на посещение Берлина, я отправлюсь туда не раньше, пока г[осподин] Болин, (который в данный момент находится в Мюнхене, но в воскресенье вновь приедет к нам и пробудет у нас по крайней мере дней 8) уедет отсюда. Если я приеду в Берлин, то я хочу общаться в величайшей тиши и неизвестности только с Вами и Вашими ближайшими друзьями, такими, как г[осподин] Фридлендер. Г[осподин] Фридлендер, если не сегодня, то на этих днях, получит от меня письмо, Моя жена и дочь сердечно приветствуют Вас.

Как раз вошла моя дочь и спрашивает, не запечатал ли я уже конверт. Она приписывает несколько строк.

Л. Ф.» [87]

...Все-таки на короткое время Фейербах съездил в Берлин, где его очень радушно встретили [88]. Впрочем, это была последняя его дальняя поездка...

«Колокол», л. 213, 1 февраля 1866 г., с. 1741. *А. Герцен.* «Письма к будущему другу». Письмо пятое:

«Есть время *острой* работы, но есть время и труда выжидающего, наблюдающего. Секунды не может потерять хирург и месяцы борется доктор с болезнью.

Один из умнейших людей нашего времени Людвиг Фейербах, на вопрос, зачем он замолк и почти ничего не пишет,— отвечал: «Главное, что у меня было на душе, я высказал, пусть читают». Не думая нисколько себя сравнивать с Фейербахом, я все же имею право ему завидовать» [89].

ПИСЬМА НИКОЛАЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ХАНЫКОВА К ЛЮДВИГУ ФЕЙЕРБАХУ

Нет, в 50—60-х годах Фейербах не замолк. Он продолжал работать, и прежде всего над большим произведением, которое сам он ставил очень высоко. Под названием «Теогония по источникам классической, древнееврейской и христианской древности» оно вышло в 1857 г. в составе собрания его сочинений (т. 9) и было переиздано О. Вигандом в 1866 г. в Лейпциге с несколько видоизмененным заглавием «Происхождение богов...»

На эту работу при жизни Фейербаха почти никто не откликнулся. Среди тех, кто составил исключение,— русский ученый Николай Владимирович Ханыков. Этот тот самый упомянутый Фейербахом в письме к Болину 1862 г. «русский государственный советник», а вместе с тем выдающийся математик и ориенталист, родной брат Александра и двоюродный — Якова Ханыковых (все они — внуки секунд-майора Якова Николаевича Ханыкова). Отец Якова, Николай Яковлевич, дослужился до статского советника; что же касается отца Николая и Александра Ханыковых (у них был еще брат — Яков, ставший впоследствии известным путешественником и одним из основателей русского географического общества, а кроме того, оренбургским гражданским губернатором [90], да еще двое братьев, умерших во младенчестве), то его «потолком» стала должность библиотекаря в Департаменте народного просвещения. Но образование сыновья получили отменное.

В 1836 г. Николай Владимирович окончил Царскосельский лицей, потом в качестве вольнослушателя занимался восточными языками в Петербургском университете, несколько лет отдал чиновничьей службе, а с 1839 г. почти целиком предался занятиям ориенталистикой, одновременно выполняя важные дипломатические поручения.

После длительных и плодотворных путешествий на Восток (в 1841 г.— в Бухару, в 1858—1859 гг.— в Закавказье, Тавриз, Хорасан) Н. В. Ханыков обосновался в 1860 г. (казалось, временно, оказалось — до конца своих дней) в Париже. Он дружил с И. С. Тургеневым [91], встречался и переписывался с Герценом,

обменивался посланиями с другом юности, крупным государственным деятелем того времени А. В. Головниным [92], знавался — это уже в 70-х годах — с П. Л. Лавровым, много и плодотворно трудился на научной ниве.

Член-корреспондент Российской Академии наук (с 1852 г.), доктор истории Востока gonoris causa (с 1866 г.), Н. В. Ханыков в 1866 г. за свой, изданный на французском языке труд по этнографии Ирана был удостоен Большой золотой медали Парижского географического общества; многие зарубежные научные общества и академии избрали его своим почетным членом [93]

«Хотя о Н. В. Ханыкове существует обширная литература, к сожалению, не все аспекты его деятельности известны, не раскрыты его архивы, не опубликована большая переписка...» [94].

К неизученным страницам жизни, деятельности и творчества Ханыкова относятся и его встречи и переписка с Л. Фейербахом.

О переписке мы сейчас поведем речь, а пока обратим внимание вот на что: в письме к Болину Фейербах, ведь, и Николая Владимировича рассматривает как жертву варварских гонений в России! А внимательные исследователи заметили, что в вопросе о причинах отъезда Н. В. Ханыкова за границу, во Францию, точнее — о невозвращении его на родину, довольно много тайного, неясного [95].

Но, как бы то ни было, осенью 1862 г. Фейербах у себя в доме знакомится еще с одним русским, и это знакомство также находит свое продолжение — эпистолярное.

А общих тем Людвигу Фейербаху и Николаю Ханыкову не приходилось искать. Темы эти были даже не философские, собственно, а, скорее, этнографические, точнее — связанные с проблемой древних народных религиозных верований: тут Н. В. Ханыков был специалистом, мог и Фейербаху кое-что посоветовать...

Вообще, о «естественной религии» древних и отсталых народов Фейербах писал в своих трудах довольно много, не раз высказываясь при этом и о язычестве в России, о воззрениях разного рода иноверцев, об обычаях и обрядах народов отдаленных окраин Империи... В этой связи Фейербах не раз ссылался на труды знаменитого русского исследователя Камчатки Крашенинникова. И вот теперь — такое интересное для Фейербаха знакомство.

Конечно, оно и для Н. В. Ханыкова не менее интересным было — и этот интерес его к трудам, идеям Фейербаха, причем того периода, когда он нам менее всего знаком, находит отражение в письмах русского ученого к немецкому философу.

Написанные на французском языке, два письма Николая Владимировича, направленные им Фейербаху, были напечатаны уже давно. Эти письма интересны как с точки зрения восприятия идей Фейербаха одним из крупных отечественных ученых, так и для характеристики философских воззрений самого Н. В. Ханыкова, совершенно не изученных. Сразу заметим: публикатор писем, К. Грюн, столкнулся, вероятно, в данном случае с цензур-

ными трудностями; на дворе стоял всего лишь 1874 г.— и письма Н. В. Ханыкова (как и письма Э. Вайяна к Фейербаху) напечатаны были с купюрами. Но и в таком виде они весьма любопытны. Познакомим же с ними читателя [96].

«Монфор — Л'Амори (департамент Сены и Уазы),
3-го июля 1863 года

Милостивый государь! Давно собирался я поблагодарить Вас за Ваш благожелательный отзыв о моем сочинении «*О южной части Центральной Азии*» и одновременно сказать Вам, сколь тронут я был вашим дружеским вниманием, тем, что Вы прислали мне Ваше глубокое произведение о Теогонии. С величайшим интересом я прочел и изучил его. Я считаю своим приятным долгом сообщить Вам, что я восхищаюсь обширностью Ваших знаний по древнему миру и точностью анализа, с которой Вы стараетесь прояснить то, что еще неясно в этом трудном и сложном вопросе. Но я счел бы себя не очень благодарным за Ваше доброе расположение ко мне, если бы ограничился тем, что просто сообщил Вам о хорошем впечатлении, которое произвело на меня чтение Вашего выдающегося труда. Позвольте мне изложить Вам некоторые замечания, которые пришли мне на ум, когда я, шаг за шагом, следовал за Вами в решении огромного вопроса, который всегда интересовал и долго еще будет интересовать род человеческий [97].

Я думаю, что, говоря на стр. 38, что «желание есть первичное проявление богов», и далее, на стр. 48, что «божество есть по существу предмет вожделения, желания; оно есть нечто представляемое, мыслимое, предмет веры, только потому, что оно есть вожделенное, требуемое, желанное» [98], Вы затронули самое чувствительное место вопроса, сформулировали великую истину. Некоторые идеи нужно только сформулировать для того, чтобы их поняли. И мне кажется, что Ваше замечание о происхождении идеи божества относится как раз к таким идеям. Я не сомневаюсь в том, что желание во многом объясняет религиозность рода человеческого, но является ли оно одной единственной основой этого чувства? Вот здесь начинается для меня сомнение. Вы сами говорите: «Божество первоначально и по существу не является предметом разума, предметом философии, ибо боги существовали, когда еще не было никаких философов» [98а]. И это очень хорошо объясняет, почему мы находим следы религии и даже культа среди самых неразвитых народов, но все же я осмелюсь поставить такой вопрос: «Разве это все?» Человек не является единственным живым существом, испытывающим желание. На первых фазах развития его желания мало отличаются от желаний других животных. Как и они, он стремится почти исключительно к материальному благополучию, как и они, он боится всего, что может его лишить этого благополучия, если только он не умеет бороться против врагов своего счастья, так, преж-

де всего, как все животные, он страшится смерти. И перед лицом этих фактов, общих для всех животных существ, не вправе ли мы задать вопрос: почему же не было отмечено ничего похожего на религиозность ни у одного животного, кроме как у человека? Поэтому известный этнограф и натуралист г. Катрфаж [99] предложил считать религиозное чувство единственным и безошибочным признаком человеческой природы, единственным способом отличить человека от других животных. Следовательно, Милостивый государь, пока это мое сомнение не будет разрешено, я не могу не рассматривать религиозное чувство как сложную функцию, зависящую от нескольких переменных и постоянных, одной из которых несомненно является то, что Вы с Вашим талантом открыли, а именно — желание; остается найти другие. Будет ли когда-нибудь найдено средство полностью определить эту неопределенную функцию? Я в этом сомневаюсь, и вот почему. У нас, к сожалению, нет специального органа, способного точно угадывать, только ли в нас находится какая-то вещь, которую мы сознаем, или же она одновременно находится и вне нас. Я уж не говорю о таких четырех первостепенных основах, как пространство, время, сила и материя, которые для нас всегда останутся загадкой, я укажу только на один менее общий феномен, феномен света. Кто может сказать, что свет, цвета, световые оттенки и т. д. существуют только в человеческом глазе, что вне этого маленького органа, все тьма, в которой колеблется эфир, и что колебания этого эфира становятся светом только в момент, когда они раздражают сетчатую оболочку моего глаза. Но если я отчаиваюсь когда-либо увидеть доказанными индивидуальность света или отсутствие его индивидуальности, как могу я допустить, что это возможно для идеи божества, идеи бесконечно более сложной и более обширной, чем другие; ибо не зная, что с этим делать, человек сделал из всего этого что-то вроде шкафа, куда он все складывает. Таким образом, мне кажется, Милостивый государь, напрасно будем мы анализировать эту функцию, которую я называю религиозной функцией, напрасно сводить ее к простейшим и самым осязаемым элементам, никогда мы не сможем доказать ни абсурдность существования индивидуального Бога, ни абсурдность его несуществования [100].

. .

Прощайте, Милостивый государь, если случайно Вы захотите прочесть работу Г. Репана [101], мой экземпляр — в Вашем распоряжении.

Ваш покорный слуга Н. де Ханыков» [102]

Как видно из этого письма, Н. В. Ханыков в свое время презентовал Фейербаху свою «Записку о южной части Центральной Азии», изданную по-французски в 1862 г. на средства Парижского географического общества (много лет спустя книга была переведена в СССР под названием «Экспедиция в Хорасан»). Это был наиболее крупный труд Ханыкова, встретивший очень горя-

чий прием в Париже, Лондоне, Берлине и, конечно же, в России [103]. Теперь мы знаем, что благожелательный отзыв об этом труде дал (скорее всего, в личном, неизвестном нам письме к автору) и Л. Фейербах.

В свою очередь Фейербах прислал в Париж своему русскому знакомому «Теогонию» — труд, которому, как уже говорилось, сам он придавал очень большое значение. С сегодняшней нашей точки зрения это сочинение представляется чуть ли не менее интересным и менее глубоким из всего, что написал Фейербах. Во всяком случае, на русский язык оно до сих пор не переведено. Да и ученым и философским миром Западной Европы 50—60-х годов XIX в. оно было, в сущности, не замечено — и Фейербах очень горевал по этому поводу. А вот Н. В. Ханыков не только заметил его, но и сказал о своем восхищении обширностью знаний немецкого философа о древности и точностью анализа, с которой тот старался прояснить не изученные еще стороны этого сложного вопроса.

В своем разборе этого сочинения Н. В. Ханыков погружается, так сказать, в «святая святых» фейербаховской антропологической философии; причем русского ученого, не являющегося, скажем так, специалистом в данных вопросах, т. е. в вопросах философии религии, теоретического религиоведения, не вполне устраивает сказанное Фейербахом. Принимая за «великую истину» его представление о боге как о предмете вожделения, желания и потому — как о том, что может лишь мыслиться, воображаться, быть предметом веры, стремления, Ханыков хочет все же *иной формулировки* этой идеи.

Что же его не устраивает?

Сомнение Ханыкова связано, как видим, с тем, является ли вожделение, желание *единственной* основой человеческой религиозности? Ведь и животные стремятся к удовлетворению своих желаний, но ни у одного животного мы не видим ничего похожего на религиозность. И потому Н. В. Ханыков готов рассматривать религиозное чувство, скорее, как сложную функцию, лишь одной из составляющих которой является желание.

Тут можно было бы увидеть у русского ученого более широкую постановку вопроса, чем у Фейербаха [104]. Но это будет, пожалуй, опрометчивым шагом, ибо вслед за этим в свою трактовку религиозного чувства Ханыков вводит — в отличие от Фейербаха — совершенно явный момент агностицизма или, если угодно, скептицизма.

В этой связи Ханыков обращается к вопросу, который его занимает,— к феномену света, его объективно-субъективной природе. Отсюда следует далеко идущий вывод: если я отчаиваюсь когда-либо увидеть доказанными индивидуальную, или, напротив, внеиндивидуальную природу света, то «как могу я допустить, что это возможно для идеи божества, идеи бесконечно более сложной и обширной, чем другие, ибо, не зная, что с этим делать, человек сделал из всего этого что-то вроде шкафа, куда он все скла-

дывает». И более того, Ханыков отвергает идею Фейербаха о религиозности как производном от простейших потребностей жизни: «...никогда мы не сможем доказать ни абсурдность существования индивидуального Бога, ни абсурдность его несуществования...»

Второе из известных нам писем Н. В. Ханыкова Фейербаху написано почти шесть лет спустя.

«6 августа 1869 г., Париж, ул. Конде, 11

Милостивый государь и прославленный профессор. Просматривая список лиц, которым я подарил мою работу по *этнографии Персии*, я с сожалением заметил, что по досадной оплошности до сих пор не послал ее Вам. Благожелательный прием, оказанный Вами, Милостивый государь, моему первому труду «О южной части Центральной Азии», позволяет мне надеяться, что Вы захотите принять мой новый дар, и нет надобности говорить Вам, как я буду счастлив, если он заслужит Ваше одобрение.

Я не думаю, что общий вопрос о происхождении человеческих рас разрешим. Человечество прошло бесчисленную череду веков, прежде чем обрело способность сохранять следы своего прошлого. Физические и моральные изменения, которые оно претерпело в течение этого туманного длительного периода, боюсь, для нас останутся навсегда неизвестными, и поскольку именно в эту подготовительную для исторического человека эпоху сформировались первые зародыши различий, отличающих, вплоть до наших дней, человеческие расы, я сомневаюсь, что когда-либо будет возможным разрешить этот сложный вопрос. Но как ни прискорбно было бы это убеждение, оно не должно помешать нам сделать все возможное, чтобы освободить первые имеющиеся у нас понятия о колыбели различных национальностей по крайней мере от части тумана, которым они окружены из-за свойственной человеку злополучной тенденции прибегать к небесным силам там, где для него кончается точное знание. Я попробовал это сделать для иранского народа, у которого была своя великая эпоха и который, несмотря на свое нынешнее состояние распада, сохранил много следов, позволяющих восстановить его этнографическое прошлое [105].

Н. де Ханыков» [106]

В сущности, какой-либо комментарий к этому письму вряд ли нужен. Скажем только: Ханыков не только вполне всерьез обсуждает с Фейербахом как с авторитетным мыслителем специальные вопросы этнографии (в 1866 г. в Париже была издана по-французски его работа «Записки по этнографии Персии» [107]), но и, вновь демонстрируя свой своеобразный научный скептицизм, вместе с тем прямо и определенно обрушивается на свойственную человеку злополучную манеру прибегать к религии там, где для него кончается точное знание.

ЯКОВ ХАНЫКОВ, ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ И ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

Мы, как говорилось, мало знаем о жизни Якова Ханыкова за границей, о сферах его деятельности. Судя по некоторым данным, в конце 60-х годов он перебирается в Италию, поддерживает связь с деятелями руководимого Дж. Гарибальди итальянского освободительного движения тех лет и посредничает при установлении их связей с престарелым Фейербахом (К. Грюн, между прочим, называет Я. Ханыкова переводчиком «Сущности христианства» не только на русский, но и на итальянский язык) [108].

Из письма Фейербаха к Якову Ханыкову от 28 апреля 1870 г. видно, что именно от этого своего русского корреспондента Фейербах получил известный роман Гарибальди и именно в переписке с ним высказал он высокую оценку деятельности и творчества национального героя Италии.

«Рехенберг, 28-го апреля 1870 г.

Дорогой господин Ханыков. Наконец я дошел до той точки, когда я могу высказать Вам свою благодарность за ценную «Жемчужину Трастевере», которую Вы любезно прислали в подарок моей дочери, а именно до последней точки «Governo del monaco». Наконец, говорю я, так как сегодня истекло как раз 14 дней, как с вдохновением начал его чтение и теперь с вдохновением закончил, а если также и с усталостью, то ее причина, очевидно, только в беспрестанном заглядывании в словарь, в котором я к тому же напрасно разыскивал многие слова. Подумайте: с тех пор, когда я писал моего «*Бейля*», когда я читал *Петрарку, Боккачио, Макиавелли*, я никогда более долго не занимался итальянским.

Но чего не сделаешь, что не преодолеешь из уважения и любви к такому герою, как *Гарибальди*? А Гарибальди это Гарибальди, это герой не только на поле битвы, он является героем также и в этом романе, в котором он своим макаемым в желчь пером борется ведь против корней зла Италии, человечества вообще, против священства и поповщины. Я всегда уважал Гарибальди, и даже настолько, что я не мог даже помыслить, что можно еще прибавить к моему уважению; и все же теперь я люблю и уважаю его еще больше, чем прежде. Это счастье, это подлинное благодеяние, когда находится однажды политический человек, которого можно уважать и любить, тем более когда это благодетельное чувство и убеждение получает сравнительную степень, возвышение! Примите поэтому мою самую горячую, воодушевленную благодарность за эту поразительную, неожиданную сравнительную степень.

Однако, несмотря на это, или, скорее, из-за этого non plus ultra [109] я дружески прошу Вас ничего больше не присылать для прочтения мне или моей дочери, даже от Гарибальди. Я должен,

наконец, также однажды вновь подумать и о себе самом, т. е. о моих неоконченных рукописях. Уже недели, даже месяцы назад я намеревался взять их в руки, но из-за других дел все никак не добирался до себя самого. Но теперь самое время из-за продуктов других не забыть и позаботиться об остатке собственной продуктивности, которую старость мне, вероятно, еще предоставила.

«Демократию» я получил еще в апреле, но еще не читал. Из-за Гарибальди я забыл обо всем другом. К тому же современное состояние Франции настолько мне отвратительно, наводит такую тоску, что я не в состоянии даже ничего больше об этом читать...

Благодарный Вам Л. Фейербах» [110]

Итак, из этого письма мы видим, что Яков Ханыков прислал Фейербаху роман Гарибальди «Clelia. Il governo del monaco» [«Клелия, или Правительство священников»], вышедший в том же 1870-м году. Упоминаемая в тексте письма «Perle von Trastevere» — это предисловие к первой главе этого романа. Написанное в манере исторических романов Ф. Д. Гверрацци, это сочинение Гарибальди все в том же 1870 г. вышло в русском переводе под заглавием «Иго монахов, или Рим в XIX столетии» [111]. Уж не Ханыков ли был его преводчиком?

Несмотря на настоятельную просьбу Фейербаха не отвлекать его более от работы над собственными произведениями, Ханыков все-таки проявил еще одну инициативу. Об этом мы можем судить по обращению к Фейербаху Луиджи Стефанони (1870 г.), в котором он, трижды ссылаясь на Ханыкова, просил немецкого философа выступить на страницах его печатного органа с оценкой положения дел в Италии [112].

Фейербах уже очень плохо себя чувствовал, и от его имени письмо Стефанони написала дочь философа — Леонора. Это письмо было напечатано 19 января 1871 г. в итальянской газете «Свободная мысль, газета рационалистов». В обратном переводе письмо было опубликовано по-немецки в книге Грюна. Из этого письма выясняется прежде всего, что связь Фейербаха с итальянцами осуществлял действительно Яков Ханыков.

По словам Леоноры, ее отец с воодушевлением приветствует итальянское движение за свободу мысли и совести, движение, которое, несмотря на все ловушки, расставляемые на его пути ужасной духовной тиранией, несомненно, достигнет полного осуществления своей радикальной программы. «В политике, как и в религии, мало помогают половинчатость и двусмысленность; тот, кто их привлекает и предлагает, работает, помимо своей воли, на реакцию. Несомненно, было бы не только в интересах Италии, но также и всего человечества желать, чтобы идеи Гарибальди осуществились» [112a].

Касаясь франко-прусской войны, Фейербах расценивает победу пруссаков над французами как победу цезаризма. В письме

провозглашается идея братства народов, символом которой является в глазах Фейербаха Гарибальди. В каких бы формах ни выступал цезаризм, он является и будет всегда являться величайшим врагом политического и социального прогресса.

«О, да наступит мир, и этот молох, этот бог разрушения, которому мы принесли столь много жертв, будет, наконец, свергнут, благо и преуспевание народов поручатся за их солидарность, и фурии войны, спугнутые, отлетят» [113].

В сущности это было завещание Фейербаха, последнее по времени выражение его убеждений.

О, ирония судьбы! В период обострения борьбы Маркса и Энгельса с бакунистами, Энгельс с раздражением пишет (15 февраля 1872 г.) В. Либкнехту о его ошибке, выразившейся в поддержке газеты Стефанони: «Я так и думал, что твой итальянец не кто иной, как Стефанони. Итак, смотри:

1) „Libero Pensiero" № 18 от 2 ноября 1871 г. Программа „Универсального общества рационалистов", учрежденного в противовес Интернационалу, в соответствии с которой должны основываться рационалистические *монастыри* [...]

2) Затем — в №№ 20, 21 все более и более яростные нападки на Интернационал за то, что он отрицает атеизм в понимании Альянса, на Генеральный Совет за тиранию и т. д. [...]

Ты видишь, в какое почтенное общество завела тебя твоя страсть к переписке. Стефанони, за которым стоит не кто иной, как Бакунин (доставивший ему весь этот материал), *просто использовал* тебя в *качестве орудия*, точно так же, как и Фейербаха, письмо которого он тоже приводит. Бюхнер, разумеется, вместе со Стефанони в заговоре против нас» [114].

О, ирония судьбы! Фейербах, его только что процитированное нами прекрасное письмо — орудие в руках бакунистов, боровшихся против «тирании» Маркса! ...

13 сентября 1872 г. сердце Фейербаха остановилось навсегда. Два дня спустя останки мыслителя были преданы земле на знаменитом кладбище святого Иоганна в Нюрнберге, где уже давно покоился прах таких замечательных сынов немецкого народа, как Альбрехт Дюрер и Ганс Сакс. Около 20 тысяч собралось на похороны мыслителя. Над раскрытой могилой — траурные речи. Выступают К. Шолл, принадлежавший в последние годы к самым близким друзьям Фейербаха, доктор Баиерлахер, лечивший философа, Кауфман Штиф (от имени жителей Нюрнбергского ферайна), К. Байер (от имени «Свободных немецких обществ» — так называемого «Фонда Шиллера» — во Франкфурте) Выступает и Яков Ханыков — по поручению участников итальянского движения [115].

Шесть лет спустя, на четверть века пережив своего младшего брата Александра, в ноябре 1878 г. умер Н. В. Ханыков. «Вот еще исчез один из людей „сороковых годов"»,— писал в этой связи Я. Полонскому И. С. Тургенев, называвший Н. В. Ханыкова «старинным и неизменным другом» [116]. На кладбище

Пер Лашез у гроба Николая Владимировича Катрфаж произнес: «Такие люди [...] заставляют любить их родину за границей» [117].

Что касается Якова Ханыкова, то известно, что, схоронив брата, он собирался в конце 70-х годов переехать с семьей в Россию и что это его намерение очень поддерживал И. С. Тургенев [118]. Однако осуществилось ли оно, мы не знаем, как и вообще ничего не знаем о дальнейшей судьбе этого единственного в своем роде русского поклонника Фейербаха

[1] Подробнее об этом см.: *Володин А. И.* Общее и специфическое в истории философии: (К вопросу о взаимоотношении русской и западноевропейской философии в XIX в.) // Наука, техника и человек: Философские проблемы. М., 1973.

[2] О современных буржуазных фальсификациях проблемы мы здесь говорить не будем: это разговор особый, и специалисты в данной области довольно успешно ведут его.

[3] «Русская философия воплощена в искусстве» (*Гулыга А. В.* Шеллинг. М., 1982. С. 293).

[4] Там же. С. 289.

[5] Там же. С. 289.

[6] См.: *Володин А. И.* Герцен и Гегель: (Проблема единства бытия и мышления в «Письмах об изучении природы») // Проблемы изучения Герцена. М., 1963; *Он же.* Гегеля читают в России // Наука и религия. 1970. № 8, 10, 12; *Он же.* Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973; *Он же.* Диалектика Гегеля и Чернышевский // Докл. X Междунар. Гегелевского конгр. М., 1974. Вып. 2; *Wolodin A. J.* Hegel's «Philosophie der Natur» im Urteil des russischen Denker (vierziger bis sechziger Jahre des 19. Jahrhunderts) // Vom Mute des Erkennens: Beiträge zur Philosophie G. W. F. Hegels. B., 1981; *Idem.* Über einige Besonderheiten des Eindringens der Hegelschen Philosophie in Rußland // Theorie und Praxis. Wissenschaftliche Beiträger der Parteihochschule «Karl Marx» beim ZK der SED, 1981. H. 4.

[7] Это наглядно видно и при обращении к историографии проблемы, ограничивающейся всего лишь несколькими статьями: *Розанов Я.* Л. Фейербах и русская общественная мысль // Понедельник, 1922. № 5; *Мошкин А.* Фейербах в истории русской критики // Памяти Л. Фейербаха (1872—1922). Харьков, 1923; *Наумова М.* Чернышевский и Фейербах // Большевик. 1944. № 22; *Радек Л. С.* Отклик А. И. Герцена на этику Л. Фейербаха в статье «Капризы и раздумье» // Учен. зап. Андижан. гос. пед. ин-та. 1956. Вып. 3; *Харахоркин Л. Р.* Из истории борьбы самодержавия и церкви против распространения в России атеистических и материалистических идей Л. Фейербаха // Вопр. философии. 1958. № 9; *Володин А.* «Всякая религия основывается на отчуждении духа...»: (Людвиг Фейербах на страницах «Отечественных записок» 40-х годов). // Филос. науки, 1974. № 3.

Из литературы последних лет см.: *Любутин К. Н., Емельянов Б. В.* Н. Г. Чернышевский и Л. Фейербах // Н. Г. Чернышевский и его наследие. Новосибирск, 1980; *Малахов В. А., Манзенко П. Т., Сапон Н. А.* Л. Фейербах и отечественная философия // Очерки по философии Л. Фейербаха. Киев, 1982. Гл. 4; *Володин А. И.* Николай Добролюбов и Л. Фейербах // Филос. науки. 1986. № 4.

[8] *Семевский В. И.* Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 164.

[9] Дело петрашевцев. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 24.

[10] Там же. С. 365.

[11] См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 248.

[12] Дело петрашевцев. Т. 3. С. 21—22.

[13] См.: *Семевский В. И.* М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922. Ч. 1. С. 49.

[14] Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 182—183. Впрочем, в этих словах можно видеть и отражение герценовских «Писем об изучении природы», хотя общефилософская позиция, выраженная в этой статье, скорее пантеистическая, чем материалистическая.

[15] Цит. в уточненном переводе по ст.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Революционная практика петрашевцев // Ист. зап. 1954. Т. 47. С. 187.

[16] Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. С. 183—184.

[17] Там же. С. 184.

[18] Там же. С. 185.

[19] Там же. С. 221.

[20] Там же. С. 307—308.

[21] Там же. С. 320.

[22] Там же. С. 328—329.

[23] Дело петрашевцев. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 180.

[24] Там же. Т. 3. С. 414—415.

[25] Там же. С. 415.

[26] *Семевский В. И.* М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. С. 152; Дело петрашевцев. Т. 3. С. 195, 321; Т. 1. С. 408.

[27] Дело петрашевцев. Т. 3. С. 416.

[28] Там же. Т. 1. С. 403.

[29] Там же. Т. 2. С. 158—161.

[30] Речь идет, скорее всего, о написанной Э. Кине совместно с Ж. Мишле брошюре «Les Jésuites» (1844), из-за которой Кине лишился кафедры в «Collège de France».

Дело петрашевцев. Т. 2. С. 165—166. «...Слова мои и не послужили поводом к спору, а приступлено было, кажется, к чтению какой-то русской статьи», — продолжал Толь (с. 166). Тут он имеет в виду не 11, а 25 марта.

[32] См.: *Макашин С.* Салтыков-Щедрин. Биография I. 2-е изд. М., 1951. С. 210—211.

[33] Точный адресат этих писем не установлен. М. Я. Поляков считал, что им является Э. Хоецкий (см.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. С. 777—778); В. Р. Лейкина-Свирская, полагает, что письма Спешнева обращены к его близкому приятелю В. Энгельсону, среди бумаг которого они и сохранились (см.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Петрашевец Н. А. Спешнев в свете новых материалов // История СССР. 1970. № 4. С. 136.

[34] Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. С. 494—495.

[35] Имеется в виду, несомненно, книга Прудона «Философия нищеты» или «Система экономических противоречий», вышедшая в 1846 г. Скорее всего, данные о взаимоотношениях Грюна и Прудона взяты Н. А. Спешневым из статьи: *Taillandier S. R.* L'atheisme allemand et la socialisme français: Ch. Grün et Proudhon // Revue des Deux Mondes. 1848. N 4.

[36] Спешнев упоминает книгу Каменского «Философия материальной экономии» (1846).

[37] См.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. С. 495. Примеч.

[38] Там же. С. 496—497. Эти замечания Спешнева в адрес Фейербаха во многом совпадают с критикой «Сущности христианства», которую дал Макс Штирнер.

[39] Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. С. 497—498.

[40] Там же. С. 499.

[41] Дело петрашевцев. Т. 3. С. 340.

[42] Правда, краткие сведения о Фр. Фейербахе содержатся в дореволюционных энциклопедиях Брокгауза-Ефрона и С. Южакова.

[43] См., напр.: *Брегова Д.* Дорога исканий. М., 1971. С. 447.

[44] См.: *Алейник Р.* Атеизм Фридриха Фейербаха // Наука и религия. 1983. № 2. С. 30.

[45] Впоследствии первая часть этой работы вышла как самостоятельное произведение под названием «Воспоминания из моей религиозной жизни».
[46] См.: *Алейник Р.* Указ. соч. С. 30.
[47] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 489. См. также: Там же. Т. 9. С. 530.
[48] Там же. Т. 2. С. 578.
[49] *Фейербах Л.* Избр. филос. произведения. М., 1955. Т. 1. С. 244.
[50] Цит. по статье: *Алейник Р. М.* Фридрих Фейербах — последователь и пропагандист Людвига Фейербаха // Вопр. науч. атеизма. 1982. Вып. 29. Отсюда же взяты и некоторые приводимые нами сведения о Фр. Фейербахе.
[51] См.: Избр. произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1958. Т. 3. С. 286.
[52] Правда, здесь в центре внимания была книга Фр. Фейербаха «Церковь будущего» (Берн, 1847)). 15 лет спустя он выпустил еще одну книгу — «Мысли и факты» (Гамбург, 1862). Умер Фридрих в 1880 г.
[53] В. Марр издал в 1844 г. в Лозанне в своей переработке «Религию будущего», которая пользовалась большой популярностью в обществе «Молодая Германия», действовавшем в Швейцарии.
[54] См.: Наука и религия. 1983. № 2. С. 32.
[55] См.: Рукописная и печатная книга в фондах научной библиотеки Московского университета. М., 1973. С. 84.
[56] Дело петрашевцев. Т. 3. С. 350.
[57] *Никитина Ф. Г.* Об одном источнике формирования атеистических воззрений Н. Г. Чернышевского: (к 150-летию со дня рождения) // Вопр. науч. атеизма. 1979. Вып. 24. С. 253.
[58] Дело петрашевцев. Т. 3. С. 361. Следователи отмечали, что находящееся в тетради Катенева собственноручно им написанное «сочинение под заглавием „Религия будущности: человек или Христос, быть или не быть“... написано в выражениях, самых противных духу истинной православной религии» (Там же. С. 360).
[59] Там же. С. 340.
[60] Вопр. науч. атеизма. Вып. 24. С. 256—263.
[61] См.: *Вороницын И.* История атеизма. М., 1930. С. 887.
[62] См.: *Дьяков В. А.* Польско-русско-украинский кружок политических ссыльных в Орской крепости в 1847—1850 гг. // Славянская историография и археография. М., 1969.
[63] См.: *Айзенштok И. Я.* Т. Г. Шевченко и петрашевец А. В. Ханыков // Учен. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1948. Т. 67. С. 102—107; Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. М., 1962; *Хинкулов Л.* Тарас Шевченко и его сподвижники. Киев, 1962. На укр. яз. Тут приведены воспоминания поляка Якуба Гордона (Максимилиана Ятовта) из книги его мемуаров, выпущенной в 1865 г. в Лейпциге вторым изданием; глава «Ханыков в ссылке» посвящена автором Т. Шевченко; *Розенфельд А. З.* Тургенев и Н. В. Ханыков // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 85.
[64] См.: *Никитина Ф. Г.* Петрашевец А. В. Ханыков — друг студента Н. Г. Чернышевского: (новые архивные материалы) // Философия Н. Г. Чернышевского и современность: (к 150-летию со дня рождения). М., 1978. С 119—120.
[65] См.: Исторический сборник. 1861. Кн. 2. Факсимильное издание. М., 1971. С. 318.
[66] Письма Я. Ханыкова, сохранившиеся в так называемой «пражской коллекции», впервые опубликованы Е. Л. Рудницкой (Литературное наследство. М., 1955. Т. 62).
[67] Литературное наследство. Т. 62. С. 705.
[68] Там же. С. 708.
[69] Там же. С. 706.
[70] *Погодин Д. М.* Из воспоминаний // Ист. вестник. 1892. № 4. С. 39—40; *Клевенский М.* «Вертепники» // Каторга и ссылка. 1928. № 10 (47). С. 30.
[71] Хомяков А. С. — один из теоретиков славянофильства.

[72] Цит. по: *Клевенский М.* Указ. соч. С. 28.
[73] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1909. Т. 1. С. XX; *Клевенский М.* Указ. соч. С. 30.
[74] Новости. 1885. № 354; Цит. по: *Клевенский М.* Указ. соч. С. 35.
[75] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 27. С. 114.
[76] А. Герцен — Л. Чернецкому, между 25 и 28 (13 и 16) марта 1861: «Трюбнер прислал пробу напечатанной страницы Фейербаха» (Там же. С. 143).
[76a] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 30. Ч. 2. С. 883. По мнению редакторов этого издания, текст данного предисловия является, «несомненно, принадлежащим Герцену» (Там же).
[77] См.: *Власенко Т. С.* О революционной деятельности «Библиотеки казанских студентов» // «Эпоха Чернышевского»: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1978. С. 90—99.
[78] В записке от 30 мая 1863 г., переданной III отделением в следственную комиссию А. Ф. Голицына, упоминалось об участии Н. Л. Владимирова в переводе на русский язык и распространении одного из сочинений Л. Фейербаха (см.: *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 27. С. 737. Примеч.).
[79] Lüdwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass sowie in seiner philosophischen Charakterentwicklung // Dargestellt von Karl Grün: 2 Bände. Leipzig und Heidelberg, 1874. Bd. 2. S. 144. (Далее — K. Grün).
[80] Ibid. S. 145.
[81] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 16. С. 225.
[81a] Впервые напечатано в изд.: *Feuerbach L.* Sämtliche Werke. Leipzig, 1866. Bd. 10. S. 1—35.
[82] *Feuerbach L.* Briefwechsel. Leipzig, 1963. S. 315.
[83] См.: K. Grün. Bd. 2. S. 151—153.
[84] См.: *Feuerbach L.* Briefdechsel. S. 391. (Примеч.).
[85] Ibid. S. 315.
[86] См.: K. Grün. Bd. 2. S. 110.
[87] *Feuerbach L.* Briefwechsel. S. 323—325.
[88] См.: K. Grün. Bd. 2. S. 110.
[89] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 18. С. 93.
[90] См.: *Вальская Б. А.* Яков Владимирович Ханыков (1818—1862) // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. 10. С. 218—241. М. Лемке путал этого Ханыкова с уже известным нам Я. Н. Ханыковым (см.: *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. и писем/Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1919. Т. 11. С. 20).
[91] См.: *Розенфельд А. З.* Тургенев и Н. В. Ханыков // Тургенев и его современники. Л., 1977.
[92] См.: Новые материалы о Герцене и Тургеневе (публикация М. Д. Эльзона) // Русская литература. 1979. № 3; Письма А. В. Головнина к Н. В. Ханыкову // Ист. архив. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 342—391.
[93] См.: *Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф.* Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат. М., 1977.
[94] *Розенфельд А. З.* Указ. соч. С. 81.
[95] См.: *Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф.* Указ. соч. С. 155 и сл.
[96] Публикуются на русском языке впервые в переводе М. В. Коробковой.
[97] Далее — цензурный пропуск.
[98] Н. В. Ханыков приводит по-немецки цитаты из «Теогонии» Фейербаха издания 1857 г.
[98a] В кавычках цитата на немецком языке.
[99] Ж. Л. А. Катрфаж (1810—1892) — известный французский зоолог, антрополог и этнограф, высоко оценивавший научное исследование Н. В. Ханыкова по истории иранцев.
[100] Далее опять цензурное изъятие.
[101] Речь идет, вероятно, о книге Ж. Э. Ренана (1823—1892) «Жизнь Иисуса» (1863), составлявшей первый том его «Истории происхождения христианства» (т. 1—8, 1863—1883; рус. пер.: т. 1—7, 1864—1887).
[102] K. Grün. Bd. 2. S. 160—162.
[103] См.: *Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф.* Указ. соч. С. 161—164.
[104] «Если пытаться грубо и несколько „вульгарно социологически“ классифицировать мировоззрение Ханыкова, то, пожалуй, скорее всего, сле-

дует отнести его к приближающейся к материализму культурно-исторической школе» (Там же. С. 177).

[105] Далее цензурное отточие.

[106] K. Grün. Bd. 2. S. 204—205.

[107] См.: *Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф.* Указ. соч. С. 200—201.

[108] См.: K. Grün. Bd. 2. S. 115.

[109] Высшего предела (*лат.*)

[110] *Feuerbach L.* Briefwechsel. S. 349—350.

[111] См.: *Потапова З.* Гарибальди // КЛЭ. М., 1964. Т. 1; *Лурье А. Я.* Дж. Гарибальди. М., 1957; *Невлер В. Я.* Дж. Гарибальди. М., 1961; *он же.* Эхо гарибальдийских сражений. М., 1963.

[112] См.: K. Grün. Bd. 2. S. 209.

[112a] Ibid.

[113] Ibid. S. 210. Кстати сказать, в одном из самых последних писем Фейербаха К. Доблеру, от 26 марта — 6 апреля 1871 г., сообщается, что среди прочих газет он читает итальянскую «Свободную мысль» (Ibid. S. 233).

[114] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 340—341; см. также: Там же. Т. 18. С. 40, 80—82.

[115] См.: K. Grün. Bd. 2. S. 115. Грюн почему-то называет его князем, очевидно путая с Н. В. Ханыковым, который действительно, будучи статским советником, мог быть назван князем.

[116] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. М.; Л., 1960—1968. Т. 1—28. Письма. Т. 12, кн. 1. С. 380, 389.

Там же. С. 691. Примеч. (из письма Ф. Н. Тургеневой к А. В. Плетневой, 16 (28) ноября 1878 г.); см. также: Литературное наследство. М., 1967. Т. 76. С. 413—414.

[118] *Тургенев И. С.* Письма. Т. 12, кн. 1. С. 389. Лет за пять до этого Я. Ханыков отправил в Петербург в редакцию «Отечественных записок» следующее письмо:

«Флоренция, 17 января 1874 г.

Милостивый государь господин Редактор.

Позвольте предложить Вам для помещения в Ваш журнал следующие критические статьи: 1. Герберт Спенсер и его система философии. 2. «Философия бессознательного» фон Гартмана и ее последователи (патологический этюд современной Германской мысли...

Я. Ханыков»

(Литературное наследство. М., 1949. Т. 51—52. С. 544). В «Отечественных записках» статьи на эти темы не появились. Ответ редакции неизвестен.